НА ПУТИ ХАОСА.
В ПОГОНЕ ЗА ХВОСТОМ ЗМЕИ

АЛЕКСЕЙ ТОКАРЕВ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Алексей Токарев

В погоне за хвостом змеи

«Автор»
2026

Токарев А. К.

В погоне за хвостом змеи / А. К. Токарев — «Автор», 2026

Группа наёмников, сплочённых общим опытом выживания в диких землях, предстоит стать пешками в политической интриге. Однако у них своя голова на плечах и выполнение приказов от точки до точки не в их характере. Острый ум, чувство справедливости и закалённые характеры уберегают их на грани между бездумными мясниками и добродетельными рыцарями. Их цель не деньги, а сохранение собственной жизни и совести.

© Токарев А. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

В погоне за хвостом змеи.	5
Интерлюдия	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алексей Токарев
В погоне за хвостом змеи

В погоне за хвостом змеи.
Алексей Токарев

Интерлюдия

На резном столе лежал распечатанный конверт с подписью «друг». На сломанной восковой печати ещё можно было различить рисунок — череп в алхимической колбе. Он смотрел на суету городского рынка. Начало августа было жарким. Солнце заливало улочки. Вдали виднелись укрепления с большими воротами, ведущими в порт. Ветер нёс запах моря вперемешку с городским смрадом. Из порта тащили грузы, торговцы наперебой предлагали свои товары — город жил.

Несколько стражников с алебардами разрезали толпу, разгоняя людей пинками и криками. На площади появился паланкин с гербом лорда Димира, окружённый охраной.

«Слуга народа», — с презрением подумал он, снял с крючка серый дублет, надел его и, одёрнув, разгладил серебряную вышивку на груди. Посмотрел на свой стол. На крышке был изображен рыцарь в красном плаще, который проткнул занесшего свой топор воина в рогатом шлеме. «Когда-то так и было, а сейчас... Кого и от кого защитит этот боров в паланкине?» — он тяжело вздохнул.

Он обернулся и ещё раз посмотрел в окно. Паланкин уже был в середине площади, народ склонился в поклоне. «Ну хоть Альдерик на них не похож. Когда-то и мы с ним стояли плечом к плечу, а эти варвары со своих драккаров лезли как муравьи», — он осмотрел стол, в памяти всплыл лязг мечей и крики яростных варваров, «а теперь одна бюрократия».

Он сел за стол. Взял подписанный конверт и пробежал его глазами. Красивый почерк, аккуратный. Он задержался на одной фразе: «Государство — это народ.»

Просмотрев остальные документы, он устало откинулся на спинку стула. Бумажная волокита. Он окинул взглядом висевшие на стене щиты и оружие.

— Государство — это народ, — вполголоса сказал он. — А народ? Народ безволен перед этими... — Он взглянул на окно, затем на конверт.

На лавке в углу комнаты лежал свёрток. Мужчина встал и подошёл к нему. Развязал верёвку, которой тот был перевязан. В свёртке был зелёный плащ с капюшоном. «Добротная работа», — подумал он и бросил на лавку.

Вернулся к столу и прочитал последнюю строку: «Встретимся в Летрине, на кладбище у церкви».

Он отложил письмо. «Летрин… — подумал он, — Значит всё начнётся там…»

— А власть — это народ? — глядя в отражение щита улыбнулся он.

Глава 1

В затхлой комнате портового кабака висел не только запах прокисшего пива и жареного сала — в воздухе чувствовалось напряжение. Четверо наёмников ждали приказа о назначении, а город Дангард, где они находились, уже третью неделю отбивался от существ с зелёной чешуйчатой кожей. Откуда они приходили, никто не знал, но атаки были яростными.

Самый крупный из них — чернокожий детина в кожаной броне поверх кольчуги — запивал пивом целиком запечённую свиную ногу, обгрызая кость до блеска. Напротив сидел смуглый мужчина с узким разрезом глаз и длинной косичкой, перекинутой через плечо; он подначивал здоровяка.

— Ну ведь не сдюжишь! Ну куда в тебя лезет? Я и так тебе двадцать медяков проспорил!

— А ты не спорь — и не проиграешь, Номи. Спорить с Джаргой на деньги глупо, если это касается еды, — коротко бросил мужчина с трёхдневной щетиной, сидевший во главе стола. Он полудремал, откинувшись на стену, — но сидел так, что меч под лавкой оставался ближе к руке, чем кружка на столе.

Четвёртый, седой мужчина в годах, в поношенном фиолетовом сюртуке, лишь скептически взглянул на азартных товарищей.

Полог отодвинулся, и в комнату вошёл пятый. Мускулистый, с заплетённой в толстые косы рыжей бородой, в полосатых красно-белых штанах, заправленных в массивные сапоги, и в грязноватой серой льняной рубахе, он выглядел как человек, знавший морскую жизнь. Он бросил увесистый мешок монет на стол перед стариком — так небрежно, что монеты рассыпались и тут же сгрёб их обратно той же рукой, едва мешок успел коснуться дерева. Старая пиратская привычка.

— Держи, Керван, это нам на пиво и расходы, — сказал он, явно довольный собой.

— Кого ты ограбил ради такого кошелька? — удивился седовласый Керван.

— Да никого я не грабил! Если я бывший пират, то сразу ограбил? Я их честно выиграл!

— Ты-то и честно? — усмехнулся старик.

— А то! — засмеялся он, садясь за стол и беря кружку с пивом. — Там сидит компания бородачей, так я с ними на этот мешочек и поспорил, что всех на руках сделаю. Двое там возмущались, что я жулик и всё такое. Но главарь их — ничего так мужик — по совести рассчитался.

— Одни проблемы с вами, — лениво потянулся Белун.

Раздался робкий стук в косяк. Все пятеро разом перевели взгляды на дверной проём, завешанный грязной тряпкой. Полог отодвинулся: за ним стоял невысокий, щуплый человек с худым лицом и кругами под глазами. Серая рубаха из грубой материи, засаленная жилетка с многочисленными карманами, заплатки на коленях брюк — он выглядел так, будто не спал и не ел по меньшей мере сутки.

— Прошу простить, — он скромно поклонился. — Могу ли присесть за ваш стол? В таверне нет свободных мест, столько наёмников в городе…

— Один или с компанией? — спросил тот, что сидел у стены.

— Один, — гость неуверенно улыбнулся и шагнул в комнату.

— Тогда садись, — Белун указал на свободный конец лавки рядом с чернокожим Джаргой.

Гость подсел, поставив на стол наполовину заполненную кружку. Пиво выглядело скверно: видимо, кабатчик из экономии слил остатки из чужих кружек — привычная практика в дешёвых портовых тавернах. Здоровяк пододвинул ему нетронутый кувшин и тарелку с кусками мяса.

— Твоя есть, пить! — дружески толкнул он гостя локтем. — Мяса много, пива много. Ты совсем худой, мало ешь. Надо много есть, пить, быть как я! — Он закатал короткий рукав кольчуги и показал бицепс. — Моя сильный!

— Спасибо, — скромно ответил гость. — Вы очень щедры.

— Ешь, ешь, — кивнул мужчина с косой. На конце косы болтался обоюдоострый клинок, которым он чистил яблоко. — Наш большой друг редко предлагает свою еду кому-то.

— Моя еда не жалко! — рявкнул здоровяк и ударил по столу кулаком.

Вся посуда подпрыгнула, а у сидевшего рядом рыжебородого крепыша опрокинулась кружка, залив пивом колени.

— Да чтоб тебя, Джарга! — тот вскочил, отряхивая штаны. — Соразмеряй силы! У тебя кулак как молот кузнечный!

— Моя не хотеть, — неожиданно кротко сказал здоровяк. — Моя не сильно бить, это стол такой. Хлипкий совсем… — Он говорил виновато, как большой пёс, разнёсший чужую посуду, и примирительно держал кулак раскрытым — Джарга давно научился не сжимать руки до конца: что-то в них всегда ломалось.

— Стол, стол… — заворчал облитый.

— Не бухти, Синта, — бросил Белун, потягиваясь. — Не дерьмом же тебя облили, а пивом. Высохнет.

— Да тут пиво что дерьмо, — продолжал ворчать Синта. — Долго нам ещё здесь сидеть? Куда Лема пропала? Часа полтора прошло…

— Придёт, куда денется, — лениво ответил Белун. — С этой суматохой в городе хрен найдёшь этого Крейна.

— Крейна? — гость поставил кружку. — Вам нужен капитан стражи, Сириан Крейн?

— Угу, — кивнул Джарга. — Нас к нему слать, как с корабля сойти. Он говорить, куда идти, стена охранять.

— Наша подруга Лема пошла его искать, чтобы получить назначение, — продолжил Белун, — но, видимо, поиски затянулись. — Он усмехнулся.

— Если она ищет его у стены, то ждать вам долго, — гость чуть улыбнулся. — Крейна уже два дня не выпускают из канцелярии лорда, решают вопросы обороны. — Он кивнул в сторону переполненного зала. — Такая ситуация в каждой таверне. Никто из приехавших с позавчерашнего дня не получил распоряжений, а в канцелярию не пускают даже по таким вопросам. Вот наёмники и опустошают запасы корчмарей.

— Как всегда, всё через задницу, — буркнул седой мужчина в поношенном фиолетовом сюртуке. На воротнике и манжетах вырисовывались ядовито-зелёные символы. — Ни порядка, ни распорядка. Как воевать собираются?.. — Керван полез в жилет за кисетом и по привычке, не глядя, нащупал трубку — но взглядом глянул на сидевшего рядом Джаргу, сунул кисет обратно. В тесной комнатке его дым был пыткой для всех, особенно для гиганта, с его звериным нюхом.

— Не наше дело, Керван, — усмехнулся Белун. — У нас оплата по дням, так что сиди и зарабатывай.

— Ну ты сказал, Белун, — рассмеялся человек с ножом при косе. — Десять серебряных в день на брата, а мы сидим в кабаке два дня и проели без малого золотой! Один Джарга половину спустил на свиные окорока. Так что зарабатывают сегодня не наёмники, а кабатчики.

— Эти шельмы никогда своей выгоды не упустят, Номи, — ответил Белун, проводя рукой по голове. — Как говорят на моей родине: кому война — кому мать родна.

— Какое точное выражение, — гость улыбнулся. — Передаёт всё скотство подобных моментов.

— Во всех уголках мира есть гниль, — буркнул Синта. — Хрен бы с ними, с торгашами. Торговец он, по сути, так — шнурок от ботинка. А вот если верхушка скурвится, тогда беда всем будет.

— Не думаю, что тут власти из таких, — вставил гость. — Местный лорд с виду приличный и порядочный, можно сказать — белая ворона. Потому и держат его тут, подальше от столицы.

— Политика скучно, — пробасил Джарга. — Моя политика не знать. Моя пиво кончилось, надо звать тётку с подносом.

— Ты и так сожрал сколько не заработал, — усмехнулся Номи. — Хватит пузо набивать!

— Моя пузо нет, моя мышцы много! — Здоровяк встал, задрал жилет вместе с кольчугой и напряг пресс.

— Может, и штаны снимешь? — раздался женский голос от входа. — Номи тогда точно лишится всех аргументов.

Джарга смутился. На чернокожем лице проступил румянец. Он опустил одежду и сел на лавку.

— Моя стыдно штаны снимать, — пробурчал он. — Белун культура учить, плохо так делать.

— Ха! — женщина звонко хихикнула. — Помнится мне встреча в пустыне, там ты про приличия не вспоминал. — Она подсела за стол напротив гостя и посмотрела на него проницательным взглядом глаз цвета расплавленного свинца. — А кто ты? Белун, ты без меня пополнил команду?

— Нет, нет, что вы, — гость поднялся и неловко поклонился, прижав ладонь к левой стороне груди. — Я всего лишь подсел, так как не нашлось места в общем зале. Меня зовут Мордекай. Я прибыл два дня уж как на корабле «Цыганская мечта».

— А ведь Лема права, — Белун встал и протянул руку через стол. — Мы даже не познакомились. Я — Белун, рад знакомству.

Мужчины пожали руки, обхватив предплечья.

— В разговоре я уже услышал ваши имена, прошу простить, что не представился — глупо вышло, — Мордекай улыбнулся.

— Судя по приветственному жесту, ты с юга, — заметил Номи. — С Тёмных берегов.

— Да, из города Тайп.

— Ого! — Керван подался вперёд. — Город магов, и ты оттуда родом? Значит, ты маг?

— Родом оттуда, но я не маг и не имею отношения к Теалону. Я служил в храме Митруи, был жрецом.

— Был? — Номи поднял бровь.

— Был. Верховный жрец оказался не чист на руку. Я и ещё несколько жрецов выдвинули обвинения, но, как оказалось, не он один кормился с казны храма. Больше половины круга были куплены — восемь голосов против тринадцати… — Мордекай пожал плечами и слегка омрачился. — Некоторых арестовали, двоих казнили… Остальные разбрелись кто куда, так я и начал странствовать. Без денег не сидел: принимал благодарности без жадности, кто сколько давал.

— Благодарности? За молитвы, что ли? — язвительно спросил Синта.

— И за них тоже, — мягко парировал жрец. — Похороны и свадьбы во многих местах Тайпии — в вотчине владычицы Митруи. — Он отпил пива. — А вы прибыли по реке?

— По реке плыть, да. Большой корабль, — ответил Джарга. — Много людей на корабле бегать. Матрос по мачтам лазить, наёмник везти, в порт ходить, наёмника сажать, сюда везти.

— Можно спросить, Джарга, — Мордекай с интересом посмотрел на здоровяка, — откуда ты родом? У тебя необычная манера говорить, без обид — просто любопытно.

В воздухе повисла тяжёлая тишина. Лица сидящих за столом окаменели, глаза опасно заблестели. Номи машинально нашёл пальцами нож на конце косы — старая привычка: что бы успокоить нервы.

Джарга, как ни в чём не бывало, отложил кость и заговорил, жуя мясо:

— Моя говорить не давно, как вы. Мать родить, когда в рабство сидеть. Мой другой язык знать, другая люди растить, учить. «Дикая земля» знать? — Мордекай кивнул. — Вот там моя родиться. Там мой мать в рабство сидеть, её весь племя любить, кто отец — не знать. Моя весь племя воспитать, как весь дети дарфари.

— Дарфари? — Мордекай вздрогнул. — Ты из племени дарфари?

— Угу, — Джарга отхлебнул из кружки. — Друзья мои из Дикой земли забрать. Долго ходить, бродить. Пустыня жарко, горы холодно, много злых людей. Всех убивать, за друга голову отрывать, хребет из спины вырывать… — Он показал руками, что именно делал со злыми людьми.

— Джарга, — прервал его Белун ледяным тоном. Переведя взгляд на Мордекая, спросил: — Тебе что-то не понравилось в нашем друге?

Мордекай уловил холод в голосе.

— Нет, нет, — примирительно ответил он. — Меня ничего не смущает. Я просто никогда раньше не слышал такого акцента, хотя много странствовал и многие наречия мне знакомы. Вопрос рождён любопытством, а не презрением.

— Не задавай ему таких вопросов, — Белун облокотился на стол, и его взгляд стал мягче. — Джарга не разбирает, кому и что можно говорить. Некоторые вещи из нашего общего прошлого не нужно знать никому.

— Я понимаю, — кивнул Мордекай. — Я и не выспрашивал никаких тайн. Он рассказал что-то важное?

— Важного ничего и нет, — вмешался Номи. — Но и то, что сказано, было лишним.

Тишина повисла над столом. Все молча занялись пивом и едой.

Первой не выдержала Лема.

— Всё обсудили? — язвительно спросила она, не адресуя вопрос никому конкретно.

Все замерли. Белун, пивший в этот момент, поперхнулся и пролил пиво на себя.

— Что мы забыли, Лема? — спросил он, отряхиваясь.

— Здорово! — она отбросила прядь волос за спину. — Я с самого утра мотаюсь по городу, утопаю в сугробах, перемешиваю снег с грязью и навозом в поисках капитана, чтобы получить назначение, а вы пьёте и жрёте в тепле и даже не спрашиваете, узнала я что-то или нет? Весело, конечно!

— А, вон ты о чём… — Белун опёрся локтями о стол. — Так что ты узнала у капитана?

— Ничего, — Лема улыбнулась. — Я его даже не видела.

— Замечательно, — вздохнул Синта.

— Ты у стены искала? — спросил Керван.

— Поначалу да, — начала Лема. — Оттуда меня послали в канцелярию лорда Альдерика, ну я и направилась. Там меня тоже послали… — Она замолчала, надув губы.

— Куда послали? — не понял Синта.

— Туда, куда мужчинам ходить не пристало, — отрезала Лема. — И не скажешь ничего: стража лорда, не обычный уличный стражник.

— Лема, кто послать — моя говорить, — пробасил Джарга, обгладывая кость. — Моя ходить, башка ломать. Лорда ни лорда, друг Джарга послать не можно! — Он бухнул костью по столу.

— Остынь, Джарга, — ответил Белун. — Не создавай проблем.

— Это какой проблем? — здоровяк поднялся. — Друг обижать дать?!

— Нет, друг не дать обижать… Тьфу! — Белун осёкся. Все усмехнулись. — Я не против помериться силой со стражниками, ты это знаешь, но сейчас не только в них дело.

— А кто? — Джарга сменил гнев на непонимание.

— В этом кабаке, — Белун заговорил спокойно, — и в соседних тоже — полно таких же наёмных вояк и головорезов. Полагаю, что даже тут найдётся кто-то посильнее нас всех вместе взятых. Что уж говорить о тех, кто у стены дежурит.

— Они зачем нас бить? Мы только стража бить, наёмник не трогать!

Белун шумно выдохнул, закрыв глаза.

— Джарга, — Лема мягко улыбнулась. — Белун прав. Не надо затевать свару со стражей. Они хоть и похожи на баранов в броне, но другие наёмники сразу станут нашими врагами — город им платит, не мы. Понимаешь?

— Мм. Моя да, моя понимать… Стража не бить тогда. — Здоровяк сел и угрюмо замолчал.

— Будет вам, было б из-за чего, — раздражённо вклинился Керван. — Лема, сможешь его узнать? — Девушка кивнула. — Вот и ладно. Покажешь мне его.

— Зачем? — спросил Номи.

— Хе-хе… Я солидарен с Джаргой: друзей в обиду давать нельзя. Так что пошепчу кое-что — и этот храбрец с горшка месяц не слезет, спать будет в нужнике, чтобы точно добежать.

— Да, да! — Джарга захохотал и хлопнул в ладоши. — Керван хорошо придумать! Моя голова страж не ломать, но Керван ему жопа ба-бах — и как ромашка!

— Ох, Джарга, — Лема покачала головой. — Обожаю твои простецкие аллегории.

— Кончай разговоры, — Белун поднялся. — Собирай пожитки и айда в верхний город. Не найдём Крейна — может, кто другой попадётся, не он один командует.

Все молча поднялись и стали собирать вещи. Не поднялся лишь Мордекай. Он сидел на лавке, задумчиво потягивая пиво.

— Ты с нами не идёшь? — спросил Синта.

— Нет, — жрец улыбнулся. — У вас своя дорога, у меня своя. Вы идёте ранить, убивать и калечить. Я буду лечить и исцелять — таков мой путь.

— Удачи, — кивнул Синта. — Может, ещё свидимся.

— Думаю, непременно, — ответил Мордекай. — Мир хоть и большой, но, как известно, очень тесный.

Компания направилась к выходу. В переполненном зале это было задачей: толпа полупьяных наёмников и оборванцев стояла стеной. Растолкаешь двоих — упрёшься в троих. Силу применять не хотелось: кругом авантюристы, да ещё и пьяные, а наёмный люд скор на конфликты.

Но как невозможно выйти из протопленной бани сухим, так не выйти и из переполненного кабака, не нарвавшись на неприятности.

Едва они добрались до двери, в спину Леме, шедшей последней, прозвучал окрик:

— Эй, красивая! — кричал тип с заляпанной жиром бородой. Волосы были зализаны на одну сторону, чтобы прикрыть лысину в полголовы. — Давай к нам, чего ты с этой рванью шляешься? Мы с братками тебя развлечём, а ты нас порадуешь!

Его дружки загоготали, кто-то швырнул в сторону Лемы огрызок яблока — тот шлёпнулся у её сапога и остался лежать, серый и склизкий.

Лема обернулась — не резко, будто ей и правда было любопытно, кто там орёт, а потом, когда взгляды скрестились, в её глазах мелькнуло что-то вроде усталого презрения. Она чуть наклонила голову, как человек, который уже сто раз слышал эту шутку и знает, чем она заканчивается.

— Развлечься? — голос прозвучал ровно, даже чуть лениво. — Тут у трактира стоит свинарник — сходи туда, девочки как раз по твоему вкусу. А твои братки могут сами с собой развлечься: вас пятеро, ты в свинарник — и они без пары не останутся.

Зал взорвался хохотом. Кто-то хлопнул ладонью по столу так, что кружки подпрыгнули. Бородач побагровел, будто в него влили кипяток: жилы на шее вздулись, пальцы сжались в кулаки, а в глазах мелькнуло то самое, что появляется у людей, когда стыд превращается в ярость.

— Ах ты мелкая сука, — зарычал он, и голос его уже не был пьяным бахвальством — в нём звенела настоящая злость. — Располосую тебя надвое: нижнюю часть на ночь оставлю, верхнюю — собакам скормлю. — Его рука медленно потянулась к рукояти меча, пальцы легли на гарду, будто проверяя, легко ли клинок выйдет из ножен.

Толпа расступилась, образовав неровный круг. В центре — бородач с четырьмя дружками, лица перекошены, кулаки сжаты, и группа Белуна: спокойные, собранные, будто они каждый день стоят вот так, посреди кабака, и ждут, когда кто-то сделает первый неверный шаг. Руки наёмников сжимали оружие с момента окрика — не на виду, но так, чтобы в долю секунды оно оказалось в ладони.

— Давай, Ваха, порвём их на платочки! — прошипел один из спутников, дёргая плечом, как будто хотел сбросить с себя страх.

— Эту шлюху по кругу пустим сперва, а их глядеть заставим, — поддакнул другой, и в этом голосе было столько злобы, что даже пьяные в углу притихли.

Ваха не спешил нападать. Серьёзный вид спутников Лемы его осадил: эти «оборванцы» не будут устраивать мордобой — они учинят резню. Но стерпеть такое от женщины… В его краях за меньшее убивают. Он сделал шаг вперёд, ещё один — и тут между сторонами выступил невысокий щуплый человек с усталым лицом.

Мордекай, заметив опасный гомон толпы, решил вмешаться. Пробившись сквозь стену людей, он увидел своих недавних собеседников — и сообразил, что сейчас будет бой. Он раскинул руки и заговорил поставленным голосом жреца — так, как говорят перед алтарём, когда хотят, чтобы слова дошли до сердца:

— Остановитесь! Не нужно лить братскую кровь, когда вот-вот подступит недруг! Каждый клинок будет на вес золота у стен, к чему тратить его сейчас, в вонючем кабаке, где даже пиво — отрава?

Самый молодой из спутников Вахи шагнул вперёд и врезал жрецу кулаком в живот. Удар был резким и злым, будто парень хотел не просто сбить с ног, а выбить из него саму способность говорить. Мордекай сложился пополам, хватая воздух, а парень накрыл его предплечьем по шее — жрец рухнул как мешок, не успев даже вскрикнуть.

На этом разговор был окончен.

Первым пал молодой. Не успел он отойти от упавшего жреца, как в его горло вонзился метательный кинжал с колечком на конце. Парень забулькал, попытался схватить клинок, но не успел — пальцы скользнули по стали, и он упал, харкая кровью.

Лема уже держала второй нож. Лёгкий шаг — клинок в висок крепыша рядом с убитым. Тот рухнул без звука, будто кто-то дёрнул за невидимую верёвку.

Третий — стоявший за спиной Вахи — получил стрелу между глаз. Короткая стрела из лука, не превышающего руки Номи от плеча до кисти: два соединённых рога сайгака, тетива натянута, и стрела уже в полёте. Номи перезарядил мгновенно — так, будто это был не лук, а продолжение его руки.

Ваха отпрянул, споткнулся о чью-то ногу и едва не упал. Белун двинулся за ним, рубя наотмашь четвёртого, кинувшегося с ножом. Пятый — в меховой накидке — схватил Белуна за плечо, пытаясь развернуть для удара мечом. Синта врезал ему топором наотмашь. Кости

хрустнули, лезвие оставило ровный срез наискосок, кровь хлынула фонтаном, заливая доски и сапоги.

Толпа ринулась к выходу. Люди падали, скользя в кровавых лужах, их затаптывали следующие. Чтобы Мордекай не попал под ноги, Джарга взвалил его на плечо и встал исполином, выдрав ножку стола одним движением. На него бросились двое: один с саблей и чубом, второй — стриженный под горшок, тоже с саблей, оба в широких красных штанах.

Джарга махнул ножкой стола снизу в челюсть. Чубатый отлетел на четыре шага и врезался в стойку — доски хрустнули, трактирщик вжался в стену. Второй резанул Джаргу по незащищённому месту на правой руке. Здоровяк выронил дубинку, но тут же схватил парня за лицо чёрной пятернёй, поднял под потолок и ударил об пол. Кровь брызнула из-под ладони.

Ваха полз от Белуна, оставляя кровавый след, проползая по залитому алыми лужами полу. Умолял, сыпал проклятиями на родном языке — Белун шёл за ним, выставив меч.

Справа накинулись ещё двое: девушка с длинной косой, в кольчужном топе и юбке из тигриной шкуры, и корсар в широкой шляпе с пером, клинок его расширялся к острию. Девушка замахнулась — и тут же оказалась на спине: Лема дёрнула её за косу, та поскользнулась в крови. Шпилька на сапоге Лемы вошла в глаз, пронзила мозг. Девушка затихла, не издав ни звука.

В грудь корсара ударилась маленькая скляночка. Разбилась о пряжку ремня — хлопок, пламя, опалённая дымящаяся дыра в груди. Чуть поодаль стоял и ухмылялся Керван.

Паника доконала оставшихся. Бандиты кинулись к выходу вместе с толпой. Только что битком набитая корчма опустела. Остались: шестеро наёмников, Мордекай на плече Джарги, трясущийся Ваха, забившийся за стойку кабатчик и отключившаяся под столом служанка.

Тишина повисла густая и липкая, давила на уши, будто весь мир затаил дыхание.

— Ну так что, — голос Белуна прорезал гробовое молчание, — пустим его по кругу или сразу зарубим?

— Кончай его, не тяни время, — буркнул Синта, вытирая топор о тряпку, которую подобрал с пола.

— Я бы не спешила, — Лема подошла к зарёванной жертве, и свинцовые глаза её приобрели хищный блеск. — Может, сперва развлечься? Переломать пальцы? Или отрезать то, чем он хотел со мной повеселиться? — Она откинула прядь волос, и в этом жесте было столько холодной уверенности, что Ваха заныл, путая слова общего и родного языка:

— Прошу… я в роду последний мужчина… кто продолжит мой род? Не убивайте… маму мою пожалейте…

— О, маму вспомнил, — буркнул Керван, поправляя сюртук и стряхивая с рукава брызги крови.

— Ага, — засмеялся Номи, притащивший последнее тело и небрежно сбросивший его в угол. — Хотел бы род продолжать — фермером стал бы, а не в вояки подался.

— Синта, — Белун кивнул, — давай верёвку. Пусть стража разбирается. Хотя не уверен, что даже так он род продолжит.

Ваху привязали к ножкам стола — так, что он не мог ни встать, ни перевернуть мебель. Компания вернулась в комнатку.

Мордекая уложили на стол. Керван достал маленький стеклянный пузырёк с прозрачной жидкостью, открыл пробку — по комнате разнёсся резкий запах аммиака. Он провёл пузырьком под носом жреца. Тот сморщился, чихнул и открыл глаза.

— Что… что случилось? — Мордекай огляделся, моргая, будто пытался стряхнуть с ресниц остатки сна.

— Тихо, — Синта придержал его за плечо. — Всё нормально. Ты всё проспал, а вообще — всё как обычно: резня и кровь.

— Тут же была толпа, драка…

— И ты оказался в самой её гуще, — Белун оборвал его. — Считай, повезло: тот малый ударил тебя кулаком, а мог и ножом. В любом случае он уже никому не навредит.

Джарга вышел к стойке. Из-под неё высунулось бледное лицо кабатчика.

— Эй, наливала! Моя пить хотеть. Пива хотеть, кувшин. — Он положил два серебряка на стойку. — Туда нести. — Палец указал на комнатку.

Номи вышел следом:

— Только пиво? А пожрать?

— Моя не голодный.

— С чего тебе голодать — ты в одного поросёнка сожрал! Эй, трактирщик, осталось что на зуб?

— Д-да, господин… цыплята остались…

— Во! — Джарга хлопнул по стойке. — Жарь десять цыплят и туда неси. Пиво сразу, еду — как будет готово. — Ещё серебряная монета на стойку.

— Нас всего семеро, — усмехнулся Номи. — Куда тебе десять?

— Твоя не хотеть — твоя не есть.

— А, ну да, твоя же не голодный! — Номи захохотал и направился к остальным.

Трактирщик метнулся на кухню. Там, на лавке, сидела служанка, а рядом — Лема, гладя её по волосам и негромко успокаивая. Заметив трактирщика, она прикрикнула:

— Чего уставился? Неси одеяло, ей согреться надо.

Тот низко кланялся и затараторил:

— Да, госпожа, сейчас, госпожа, уже бегу, госпожа…

Через минуту он вернулся с шерстяным пледом и подал Леме с поклоном.

— Благодарю. Теперь проваливай. — Она накрыла трясущуюся девушку. — Как ты? — мягко спросила. Та промолчала, тупо глядя перед собой.

— Синта! — крикнула Лема. — Подойди.

— Чего? — выглянул Синта.

— Дай своего отвара, ей надо прийти в себя.

— Ты хочешь её в себя привести или убить? — усмехнулся он, подходя и отвязывая керамическую баночку с ремешков.

Лема открыла, понюхала и резко отстранилась, сморщив нос:

— Фу, как ты это пьёшь и ещё живой… — Она осторожно задрала служанке голову, прикрыла горлышко пальцем и капнула четыре капли на язык. Девушка свернулась в комок, потом распрямилась, хватая воздух ртом. Глаза ожили, на щеках выступил румянец.

— Дьявол, что ты туда добавляешь? — Лема вернула баночку. — Эта бурда и покойника воскресит.

— Да ничего особого, — Синта заглянул внутрь. — Травы, бычья кровь и водка. — Сделал глоток, закрыл баночку, отёр усы и пошёл обратно как ни в чём не бывало.

Немного погодя Лема вошла в комнатку. Все ели цыплят и пили пиво так, будто за тряпичным занавесом не лежала куча тел.

— Как будем уходить? — спросил Синта, крутя пальцами косичку усов. — На корабль или пешком из города?

— Куда это ты? — Керван поднял бровь.

— Стража и лорд нас не похвалят за эту резню, — буркнул Синта. — Странно, что их ещё нет.

— Они тут, — бросил Белун. — Вход окружён, караулят. Боятся входить.

— Стоит сидеть тут? — Номи поставил кружку.

— Если сбежим, — ответила Лема вместо Белуна, — тем самым подтвердим вину. Не знаю, что рассказали беглецы, но у нас два живых свидетеля. — Она кивнула в сторону зала. — Кабатчику можно дать деньжат, а девушка наверняка подтвердит, что не мы затеяли.

— Знать бы наверняка, — Синта нахмурился. — Неохота в клетке сидеть.

— Не придётся, — Номи рассмеялся, играя ножом на конце своей косы. — Сейчас действует закон военного времени. Просто повесят и концы в воду.

— Шикарная альтернатива, — хмыкнул Керван.

— Формально, — вмешался Мордекай, — свидетелей трое, и один из них пострадал не от ваших кулаков. Если девушка подтвердит вашу невиновность — я сделаю то же самое.

— Вот видишь, Синта, — Белун улыбнулся. — Мы уже почти свободны.

В дверь трактира ударили. Раз, другой, третий, четвёртый — тяжёлые, мощные удары тарана.

— Долго держится, — шутливо бросил Номи.

Дверь вылетела с петель.

— А нет, — добавил он с иронией.

— Зачем ломать было, — заворчал Керван, — она же не заперта.

— Она наружу открывалась, — усмехнулся Белун, — а им ума не хватило подёргать.

По обломкам захрустнули кованые сапоги стражников с алебардами наперевес. Кирасы горели в свете свечей, отблески играли на начищенных морионах. Двое встали у входа, трое прошли вперёд. Один направил алебарду на трактирщика — тот рухнул на пол от страха. Второй схватил за руку служанку. Третий встал посреди зала, не обращая внимания на связанного Ваху, и направил оружие в сторону комнаты.

За стражниками вошёл мужчина в воронёных доспехах с серебряным орнаментом на груди. Без шлема, в руке — металлический жезл с серебряным набалдашником. Он осмотрелся, уставился на кучу резаных тел в углу, оглянулся на солдат. Те едва сдерживали рвоту. Командир кивнул им на выход — они поспешно вывели задержанных. Третий остался в зале.

Командир гулким шагом подошёл к комнате, отодвинул полог жезлом и вошёл. Вся компания сидела за столом. Взгляды устремились на него.

— Вот и доблестные стражи порядка, — язвительно протянул Номи. — Как раз вовремя. Там у стола ваш клиент сидит, вознаграждения не требуем, жаждем правосудия.

— Правосудия? — отозвался командир. — Как думаешь, шутник, что положено вам за эту мясорубку?

— Медаль? — Номи геройски выпятил грудь.

— Петля, — отрезал командир. — Или топор, чтобы уж наверняка.

— Угомонись, Номи, — Белун чуть наклонил голову. — Не усугубляй. А вы, господин командующий, перед повешением, надеюсь, проведёте расследование? Или этого не потребуется?

Командир буравил Белуна нехорошо прищуренными глазами.

— Кто такие? — спросил он так, будто выплюнул слова.

— Наёмный отряд, — Белун откинулся на стену, поглаживая стриженые волосы ладонью. — Ждём назначения на службу.

— Ага. — Вороной медленно кивнул. — Значит, наёмники. Кто нанял вас истреблять добровольные военизированные отряды, числящиеся, между прочим, на балансе города?

— Пока ещё никто. Мы не нашли капитана, который бы нас пристроил. А это, — Белун указал в сторону зала, — результат бездумных слов ваших, как вы сказали, военизированных отрядов.

Командир кивнул — в этом кивке чувствовалась ирония.

— Раз так. Встать! Следовать за мной в канцелярию. И без глупостей! — Он зыркнул на Синту и Джаргу. — Там разберёмся, кто прав. Решим, что с вами делать.

Глава 2

За окном бушевала метель. Ветер гонял по воздуху крупные хлопья липкого снега, окна были заляпаны, в комнате стоял полумрак. Дверь отворилась, вошёл стражник с зажжённой свечой. Пройдя по периметру, он поочерёдно зажёг маленькие масляные лампадки, подвешенные на цепочках к торчащим из стен штырям. Закончив, поставил свечу на латунный подсвечник, стоявший на столе. Зашёл второй охранник — они встали по обе стороны двери. Не городские стражи: не латные панцири и морионы, а кожаная броня, усеянная металлическими клёпками, кожаные шлемы с бармицей из мелких колечек.

Следом — трактирщик, девушка-официантка и зачинщики резни. Замыкал процессию командир стражи. Он снял доспехи и был одет в серый дублет с вышивкой в виде серебряных якорей. Прошёл к столу, уселся на стул с высокой спинкой. Стол завален бумагами и папками с отчётами. Все молчали. Первым, как всегда, не выдержал Номи.

— Так и будем молчать? — спросил он.

Командир жестом велел ему заткнуться. Номи усмехнулся, но больше ни о чём не спросил. Дверь снова открылась. Вошёл молоденький парнишка в серой шапочке, похожей на перевёрнутый цветочный горшок, и серой мантии, на вид богатой. Он прошмыгнул, таща подмышкой кипу свёрнутых в рулоны пергаментов. Прошёл ко второму столу, поменьше, на котором стояли лишь чернильница и деревянный стакан с четырьмя гусиными перьями. Подождав, когда клерк разложится и приготовит перо, командир заговорил — спокойным, размеренным голосом.

— Итак, — он обвёл всех взглядом, — вы находитесь в комнате для допросов. Тут проходит первая стадия беседы с кандидатами в заключённые. До второй стадии рекомендую не доводить — она проходит в пыточной. Прошу отвечать чётко и по существу. Этот юноша будет записывать каждое слово в протокол, который позже отправится в архив суда.

Он помолчал, барабаня пальцами по столу, затем продолжил:

— Первый вопрос: кто вы такие?

— Так уже представлялись, — Белун едва заметно усмехнулся. — Или у господина командира не отложилось?

Мужчина за столом жестом велел пареньку не записывать эту часть.

— Дай-ка я кое-что поясню, дружок, — он говорил быстро, раз это не нужно было заносить в протокол и ждать, пока клерк допишет. — Здесь и сейчас вы находитесь под следствием. Мы пытаемся установить вашу вину или невиновность. Вот тот паренёк, — кивок на клерка, — записывает всё произнесённое здесь. — последнее слово он произнёс с нажимом и ткнул в стол указательным пальцем. — Я буду задавать вопросы, а вы отвечать на них, независимо от того, спрашивал я об этом раньше или нет. Всё понятно? — Он облокотился на стол.

— Угу, — безразлично буркнул Белун.

— Тогда продолжим. — капитан дал знак клерку. — Итак, кто вы?

— Мы отряд наёмников, — Белун бросил это небрежно. — Прибыли сюда, узнав, что нужны воины. Просидели два дня в трактире среди таких же сорвиголов, — он почесал щетину на лице, — Потом один из тамошних оскорбил нашу подругу, завязалась словесная перепалка, они избили жреца, а мы, будучи чрезвычайно религиозными, вступились — как за честь нашей спутницы, так и за жреца. — Белун произнёс это с таким серьёзным видом, что его товарищи едва держались, чтобы не расхохотаться. — Результатом стал небольшой ущерб трактиру в виде сломанной мебели и побитых кружек, а также нескольких покойников. — он сделал вид, будто что то вспомнил, — Нам, кстати, тоже нанесли ущерб — Джарге порезали руку в потасовке. — Здоровяк поднял руку, замотанную тряпицей. — И нам не возместили этот ущерб.

Номи и Синта не выдержали и захохотали. На губах Белуна проступила ироническая улыбка.

— Шутим значит, — серьёзно отозвался офицер. — Что ж, я тоже могу пошутить. Как вам предложение провести ночь в одиночных камерах?

— Мы не против, — Синта откинулся на стену, крутя на палец косичку заплетенных усов. — Главное, чтоб к обеду нас разбудили.

— Может быть вы, господин офицер, всё-таки представитесь? — Белун чуть наклонил голову. — Вы знаете, кто мы, но кто вы — мы не знаем, и беседа поэтому идёт с трудом.

— Вам есть прок от моего имени? — командир хмыкнул. — Не думаю. Но ради соблюдения формальных приличий… — Он чопорно встал, оправил дублет и заговорил официальным тоном: — Я капитан гвардии его величества короля Ксеала Терпа, Сириан Крейн. Прибываю на службе у правителя этого города, лорда Альдерика.

Компания переглянулась — и в голос захохотала.

— Что смешного? — Крейн нахмурился.

— Нет, нет, капитан, — Белун утирал выступившие слёзы. — Мы смеёмся не над вами, а над ситуацией.

— Надо было прирезать кого-нибудь в день прибытия, — Лема давилась смехом. — Мы бы уже были при службе.

— О чём вы, чёрт возьми? — Крейна раздражало непонимание.

— Мы просидели два дня в трактире, — Керван заговорил спокойно, будто объяснял ребёнку. — Лема, — он указал головой на девушку, — каждый день ходила искать встречи с вами, для получения назначения. Но вы торчали в канцелярии и к вам не допускали просителей. А тут стоило прирезать пару немытых наёмников — и вы сами нас нашли.

Поняв суть дела, Крейн успокоился и сел.

— Ну что ж, — он заговорил серьёзным тоном, но уже без раздражения, — значит, вы всё-таки нашли короткий путь ко мне. Да, верно — я находился в канцелярии. На военный совет не допускают посторонних. Но сейчас я перед вами. И как же будем решать вашу судьбу, безымянные наёмные солдаты? — Он откинулся на спинку кресла и сплёл пальцы в замок.

— Ну-у… — Белун задумался на минуту. — Если бы мне нужно было решать такое дело в подобной ситуации… Во-первых, — он начал загибать пальцы, — убитые были приезжими, людьми не первого сорта. Среди них — пираты и бандиты, подавшиеся за лёгкой наживой на войну. Без них мир будет спокойнее. Во-вторых, они не были гражданами города. В-третьих, гипотетически на нашем месте мог оказаться кто-то из гражданских — и тогда всё кончилось бы иначе. В-четвёртых, за дверью стоят свидетели конфликта — хозяин трактира и его работница. Опросить бы их и судить на основании их показаний.

— Поразительная логика, — Крейн крутил большими пальцами вокруг друг друга. — Вывернул так вывернул. Значит, я должен вас отпустить на основании слов свидетелей и того, что могло бы быть, «если бы». Любопытно, однако. Я даже ваших имён не знаю, но должен вам верить — по твоей логике выходит так.

— Господин капитан, — Номи заговорил непривычно серьёзно. — Мы не разбойники и не убийцы, рубящие всех направо и налево. Мы прибыли для защиты вашего города, ваших граждан. — Он машинально похлопал ладонью по правому боку, забыв, что оружие забрали, — и тут же перешёл на свой обычный насмешливый тон. — Хотели бы рубить без разбора — отправились бы в стан нападавших, но они не давали объявлений.

— Что до наших имён, — Белун чуть приподнял бровь, — так вы не удосужились спросить, проводя нас под белы ручки без единого вопроса.

Крейн помолчал, дожидаясь, когда скрип пера писаря утихнет и тот возьмёт новый лист.

— Спрашиваю сейчас, — он посмотрел Белуну в глаза. — Назовите себя, род занятий, представьтесь. А я подумаю — выслушать ли мне свидетелей или отправить вас под замок.

— Моё имя Белун. На родине был солдатом, позже пал в немилость царской семьи и был изгнан из отечества. — Тень воспоминаний промелькнула на его лице.

— За что тебя невзлюбила царская семья? О родине не спрашиваю, мне это не важно, но причину изгнания хотел бы знать.

— Скажем так, — Белун уклончиво пожал плечами, — царю не хотелось в зятья обычного вояку.

— Хм, понимаю. — Крейн кивнул. — Влюбился в царевну, сватался — но за былые заслуги избежал каторги и плахи.

— Почти угадал, только все было наоборот, — он усмехнулся, — За это я и был вывезен из страны и оставлен на границе Диких земель, в куче живых, полуживых и уже трупов таких же как я счастливчиков.

Крейн привскочил, опираясь на подлокотники.

— Диких земель? Тебя изгнали туда?

— Да. — Белун сказал это безразлично, будто говорил о погоде. — Как и каждый из нас. Мы все родом с разных краёв, но вышли с одного полигона.

— А ты? — Крейн повернулся к Синте.

— Сказали же — все, значит, и я оттуда. — Синта скрестил руки на груди. — Имя мне Синта, родом с севера.

— Нордхейгерский пират?

— Как догадался? — Синта оскалился.

— Насколько мне известно, даже на парусах ваших драккаров изображён викинг в рогатом шлеме с такой же манерой заплетённой бородой и усами, — настороженно ответил капитан.

— Всё верно. Хорошо вы знаете наши драккары.

— Да уж. К сожалению. — Крейн перевёл взгляд. — А ты, старик?

— Керавиир Деалер Мариан Неглад, коротко Керван. Чернокнижник из Хамнун-Тора. — Старик устало посмотрел на капитана.

— Чародей?

— Чернокнижник, — Керван повторил с нажимом. — Для непосвящённого разница невелика, но оскорблять меня не надо.

— Хм… — Крейн нахмурился. — Тоже изгнан?

— Разумеется. В Дикие Земли добровольно не ходят.

— При каких обстоятельствах? Ваши магики ведь крайне сильны и всегда были опорой государства. Чем ты провинился что бы такое наказание заслужить?

— В Хамнун-Торе, — Керван разгорячился, как любой пожилой человек, когда речь заходила о том, что его заботило, — очень распространён культ богов-близнецов, несущих жизнь и свет верующим. И вот церковь решила взять под контроль всех магиков. — он провёл рукой по бороде и сунув ее в карман нащупывая трубку, как бы проверяя на месте ли она, — Загнали многих в башни, организовав эдакие учебные заведения, где волшебники и чародеи обучали детей грамоте и письму, а если ребёнок показывал талант — то и магии. Но в башнях оказались только маги, волшебники и чародеи. Нас, колдунов, чернокнижников и некромантов начали истреблять.

— Я слышал, что в Хамнун-Торе всегда был культ смерти. С чего вдруг такая резкая смена курса? — Крейн подался вперёд.

— Именно, — Керван кивнул. — Смена королевской династии, смена экономической политики, пересмотр друзей и союзников, смена религиозного строя — всё идёт одно за другим, в порядке очереди. Однако некроманты Хамнун-Тора всегда славились своей силой, и их боялись, несмотря на заверения жрецов нового культа. Поэтому именно некромантов не вели

на костёр, как прочих. Нас свозили в железных клетках в пустыню на окраине Диких земель — и там бросили, под иссушающим солнцем.

— Стало быть, ты некромант?

— Иначе меня бы тут уже не было.

Капитан вопросительно взглянул на Лему.

— Лема, — она мило улыбнулась, убрав выбившуюся прядку волос за ухо, — Шпион, ассасин, подстрекатель бунтов и беспорядков. Оказалась в Диких землях после неудачной попытки переворота в Калогаре. Поймана и вывезена туда. Но, в отличие от моих товарищей, оказалась на окраине ледяных пустошей и едва не умерла от холода.

— Я плохо знаком с географией тех краёв, — Крейн откинулся в кресле.

— Зато мы — слишком хорошо, — хохотнул Номи и, не дожидаясь вопроса, начал представляться. — Имя мне Номи Най. Родом из империи Кхитан. — Капитан удивлённо поднял бровь. — Гвардеец императорской армии, подразделение стрелков. Изгнан из-за родства с императором.

— Вы просто кладезь уникальных историй, — Крейн усмехнулся. — Родство с императором обеспечило тебе изгнание?

— Ага. Второго стрелка, арестованного вместе со мной, посадили в стоячую колодку. Так что мне ещё повезло.

— Я бы хотел узнать подробности, если не секрет.

— Да не секрет. — Номи пожал плечами. — Наш старый император произвёл на свет сына. Через шесть лет после рождения объявил, что сажает его на трон, а сам уходит на покой. Во время церемонии я стоял в почётном карауле и сказал стоявшему рядом гвардейцу, что если новый император решит посетить собрание королей, ему придётся брать с собой пелёнки и молочную кухню. — он крутил и играл с ножиком привязанным к косе, который скрыл от охраны.—Мы оба посмеялись — а потом он на меня донёс. На моё счастье, брат моей матери служил в чине генерала и был женат на старшей дочери императора. Как родственника меня не подвергли казни в стоячих колодках, а вывезли в клетке из страны и оставили в Диких землях. Вот и вся история.

— Стоячие колодки — это что? — Крейн нахмурился.

— Осуждённого сажают в высокую клетку из палок. Ногами на кирпичи, а шею закрывают в колодки, которые становятся крышкой этой клетки. Кирпичи постепенно убирают — и осуждённый медленно задыхается. — он сделал жест рукой, будто душил себя и высунул язык.

— А не проще повесить? Или отрубить голову?

— Конечно проще, — Номи усмехнулся. — Но тут больше вопрос назидания. Что может устрашить народ больше, чем публичные казни с предельной жестокостью?

— Сложно не согласиться… — Крейн крутил пальцами «мельницу», затем посмотрел на Мордекая. — А какова твоя история?

— В моей истории нет ничего интересного. — Мордекай почтительно поклонился в сторону друзей. — Я жрец Митруи из города Тайп, имя мне Мордекай. С этой почтенной компанией меня свела судьба тут, в Дангарде, в трактире, где позже произошла трагедия.

— Ты прав, — Крейн кивнул, — это было скучно. Значит, он не с вами? — обратился он к Белуну.

— Не совсем, — Белун оперся плечом о каменную кладку стены — ему явно всё наскучило. — Он подсел за наш стол, мы разговорились, так и познакомились.

— Значит, ты скорее свидетель, чем участник? — Капитан посмотрел на жреца.

— Ну, наверное, так, — Мордекай виновато улыбнулся. — Хотя драка началась с моего избиения, и я мало что могу сказать, так как потерял сознание после удара по голове.

— Спрашивать о чём-либо нет смысла, — заключил Крейн. — Разве что… кто напал на тебя?

— Юноша. Среднего роста, чёрная борода, без усов. Это всё, что могу сказать.

— Тогда я тебя не задерживаю. — Крейн сделал жест стражнику, чтобы тот вывел жреца.

— Позвольте мне остаться, — Мордекай поднял руку. — Я бы не хотел оставлять их после того, что они сделали. Как-никак, причиной драки стал я.

Крейн махнул рукой — пусть остаётся — и перевёл взгляд на Джаргу.

— А ты, здоровяк? Какова твоя история?

Прежде чем Джарга успел открыть рот, Белун шагнул вперёд и приказал взглядом крепышу помалкивать.

— Он немой. Не разговаривает. Совсем.

— Да? — Крейн не слишком поверил. — Очень жаль. Уверен, его история невероятно интересна.

— Несомненно. — Белун выдержал пристальный взгляд. — Он тоже был в Диких землях. Имя его Джарга, остальное не имеет значения.

— Ну хорошо, — Крейн не сводил глаз с Белуна. — Теперь я готов послушать свидетелей. Интересно, что скажут они.

Один из охранников вышел, что-то проговорил в коридоре, и в дверь вошла напуганная девушка. Охранник вернулся и захлопнул за собой дверь.

— Присаживайся, — Крейн указал девушке на стул, который так ни кто и не занял. — Как твоё имя? — Он говорил мягко, спокойным голосом, видя и понимая её испуг.

— Тейла, — еле слышно ответила девушка.

— Хорошо, Тейла. Я капитан Сириан Крейн. Тебя привели, чтобы узнать кое-что по поводу случившегося в трактире, где ты работаешь. Я буду задавать вопросы, а ты постарайся вспомнить всё и дать максимально точные ответы. Поняла?

— Да, — девушка легонько кивнула.

— Знаком ли тебе кто-нибудь из присутствующих?

Тейла осмотрела стоящих в комнате и указала на компанию наёмников, в вольной манере расположившихся вдоль стены.

— Хорошо, — Крейн вздохнул, сообразив, что из девушки всё придётся вытаскивать клещами. — Расскажи всё, что помнишь о сегодняшнем вечере. — Он задумался, решив, что это может затянуться. — Начни с их ухода из трактира.

Девушка практически слово в слово пересказала версию, предложенную Белуном. Крейн слушал, хмурясь и постукивая пальцами по столу.

— Потом солдаты снесли дверь, хотя она была не заперта, и всех нас привели в крепость… — закончила Тейла.

— М-да… — Крейн откинулся в кресле. — Значит, драку спровоцировали не они?

— Нет. Они только защищались.

— Стража, — скомандовал Крейн, — проследите, чтобы девушка добралась домой в целости. Время позднее. И введите хозяина трактира.

В открытую дверь вошёл бледный, как полотно, трактирщик, в сопровождении охранника. Проходя мимо Тейлы, ждущей очереди, чтобы выйти, он на мгновение отвердел лицом и испепелил её взглядом. Охранник усадил его напротив стола капитана — трактирщик осел, как шар, из которого выпустили воздух.

— Ну-с, — Крейн побарабанил пальцами по столу. — Послушаем, что нам расскажешь ты, Болем.

— Д-да, госп-подин к-капитан, я всё-всё расск-кажу, всё-всё… — Трактирщик тараторил, язык заплетался, зубы стучали как кастаньеты.

— Расскажи, с чего началась резня? — Крейн посмотрел на него в упор.

— Этот, — Болем указал на Мордекая, — попытался разнять драку, и его ударили. А эта, — он ткнул пальцем в Лему, — ударила напавшего ножом. Д-дальше я ничего не видел, потому как спрятался за стойкой… — Он вытер лоб от пота.

— Угу, — буркнул Крейн. — Коротко и по делу, да, Болем? Это хорошо. А с чего началась сама свара? Почему этот жрец решил разнять драку? Кто всё начал?

— Н-не знаю, господин. — Болем заискивающе улыбнулся. — Я был занят, б-было много гостей, я не усп-певал следить за всеми.

— Чем же ты был так занят?

— Подавал еду и напитки, господин.

— Да деньги ты считал! — Номи не выдержал. — Считал деньги и гонял свою работницу в самую гущу мужиков.

— Я т-трактирщик, это естественно, что я под-считывал доход, господин… — Болем испуганно обернулся к Номи. — А что до работницы — так это её работа.

— Ага, работа, — Лема скрестила руки. — А что сам тогда не помогал ей? Заработал бы побольше монет — у тебя тоже есть за что ущипнуть да пошлёпать.

Трактирщик побледнел ещё сильнее.

— И ты, наверное, не видел и не слышал, кто и какие мерзости в наш адрес выкрикивал? — Номи прищурился.

— Н-нет… — Болем втянул шею.

— Хватит, — Крейн хлопнул по столу. — Допрос веду я, а вы слушаете и ждёте, когда спрошу. — Он повернулся к трактирщику. — Болем, твоя работница рассказала, что их, — он указал на компанию, — оскорбили и всё началось с этого. Это так?

— Я… Я… н-не знаю, я н-не слышал, я… — Болем запаниковал.

— Уведите, — Крейн махнул рукой. — Толку от него нет.

— И как решать вопрос будем? — Керван посмотрел на капитана. — Получается пятьдесят на пятьдесят. Что скажешь, капитан?

Крейн сидел, опершись локтями на стол и положив подбородок на сплетённые пальцы. Он обводил компанию тяжёлым, задумчивым взглядом.

— Думаю, — начал он, растягивая слова, — стоит рассуждать строго по закону военного времени…

Номи машинально потянулся к пустому колчану — оружие забрали, но рука сама искала привычное. Лема чуть приподняла бровь — не от страха, а от скуки. Синта незаметно сжал кулаки, будто уже считал удары. Джарга перестал переминаться с ноги на ногу и замер.

Капитан продолжил:

— Закон военного времени велит мне повесить вас как убийц. Даже если это было в целях самообороны. Превышение мер самообороны карается по закону и в мирное время — но уже сроком в тюрьме, и решает это суд. Сейчас суд — это я. Я командующий армией обороны города, и военный суд в моей компетенции.

— Ближе к делу, капитан, — Номи отлепился от стены. — Не томи душу.

— Вы ослабили оборону города, убив тех людей. — Крейн сверкнул на него глазами. — Не важно, как они бы сражались. Я смотрю исключительно тактически: меньше людей — слабее оборона.

— Глупо сравнивать одно с другим. Иногда один десятка стоит, — Синта пожал плечами.

— Знаю. Но я рассуждаю тактически. — Крейн выдержал паузу. — И сейчас я принимаю на себя риск быть неверно истолкованным вышестоящими властями. Но повторюсь: законы войны диктуют мне скорый суд с одним-единственным вердиктом…

Белун тяжело вздохнул. Джарга и Синта демонстративно прохрустели пальцами кулаков.

Крейн смотрел на них спокойно — такие демонстрации его не пугали.

— В то же время, — он продолжил, и голос его чуть смягчился, — эти законы запрещают мне тратить ресурсы впустую. Будь то деньги, стройматериалы или люди. А люди в любой военной доктрине — это тоже ресурс.

Он тяжело вздохнул.

— Я назначаю вам пост у восточной части стены. Будете искупать кровью содеянное. Лемонт, — обратился он к писарю.

— Да, господин? — отозвался паренёк.

— Ты всё записал?

— Мм-мм… нет, господин. Пергамент закончился на допросе трактирщика, но я всё запомнил и могу дословно восстановить сказанное.

— Не требуется. То, что записал, — ко мне на стол. Сам иди и подготовь для них договоры. Имена помнишь? — Клерк кивнул. — Хорошо. Можешь идти.

— А протокол? — Лемонт удивлённо моргнул. — Я должен переписать его начисто.

— Перепишешь, время ещё будет. Ступай.

Капитан повернулся к наёмникам.

— Что до вас — надеюсь, вы понимаете, чем я рискую, отпуская вас?

Все кивнули.

— Ну хоть это объяснять не придётся. — Он встал и направился к выходу. — Следуйте за мной. Расскажу о нашей ситуации, что знаю. Может, со своим опытом выживания вы что-то увидите, что пропустили наши генералы.

Коридор вёл наверх и был переполнен лестницами. Больше всего утомили они Кервана, шедшего в хвосте. Шедший за ним охранник то поддерживал старика, помогая подняться, то просто стоял рядом, ожидая, когда тот отдышится и наберётся сил. Крейн шагал по-солдатски бодро, оглашая коридор чётким стуком офицерских сапог.

Несмотря на довольно шумный марш капитана, стражника у двери зала военного совета они застали дремлющим — тот спал, опершись на алебарду. Крейн жестом велел всем остановиться и не шуметь. Тихо подойдя к посапывавшему солдату, ласково — по-отечески — спросил:

— Как спится, сынок? Удобно?

Сквозь сон ответив, что всё нормально и он уже привык, солдат приоткрыл сонные глаза. Увидев суровое лицо капитана, парень подпрыгнул, чуть не уронив алебарду, и выпрямился так, будто ему вилами ткнули в гуздно — громко и чётко отрапортовал:

— Так точно, господин капитан! Прошу прощения! Уснул на посту, виноват!

— Вот стервец! — Крейн захохотал. — Всех предупредил? — Он снова сделал строгое лицо. — А если бы это был враг, а не я? М? А ты дрыхнешь, паскудник!

— Так точно, господин капитан! Дрыхну, паскудник!... Виноват!

— Виноват… — пробурчал Крейн. — Я тебе устрою сон на посту. Вылижишь всю казарму от и до — после дежурства, само собой. Смирно, и не спать.

Зал военного совета оказался тронным залом лорда. Стоявшие у входа стражники тоже имели заспанный вид. Посередине стоял большой стол с укороченными ножками, на нём — разложенная карта. На карте была изображена территория королевства Турания и нескольких соседних королевств. Турания, в которой они сейчас находились, выглядела как разделённый широкой рекой конус, сужающийся к западной части, лежавшей за рекой. Столица — жирная точка с маленькой золотой короной над ней. Дальше на запад вела жирная красная полоса, извивающаяся и петляющая по нарисованным полям и горам.Она пересекала три точки поменьше и упиралась в изображение серебряного якоря с надписью «Тривол». Через реку вела пунктирная линия, оканчивающаяся на другом берегу таким же якорем — «Дангард» — и бегущая дальше на запад, пересекая ещё четыре крупные точки с названиями. От неё в разные стороны на обоих берегах расползалась паутина мелких дорог и деревень.Окружив

карту, наёмники изучали, что к чему. Крейн водил указкой и рассказывал о положении дел. По его словам, из городов дальше на запад приходили тревожные новости. Агрессия была не от соседней страны — атаки начались словно ниоткуда. Первым перестал присылать гонцов пограничный город-крепость Летрин. Из него нет вестей уже два месяца, с конца лета. Затем приехал гонец из города Гемер, третьего по счёту от Дангарда. В посланиях, которые он вёз, были призывы прислать помощь — военную и гуманитарную. Адресованы они были лордам и королю, так что гонца посадили на ближайший торговый корабль и отправили на другой берег.Через неделю в порт пристало семь кораблей, набитых солдатами под знамёнами четырёх городов. Войска, переждав ночь, направились на запад. После их ухода прошла ещё неделя — и в город приехал гонец из большого торгового города Тверена. Он рассказал, что в Дангард движется толпа беженцев из Гемера и Тверена. Гемер пал, Тверен тоже. На вопросы о войске, направленном на помощь, гонец ответил, что никаких войск не видел — ни в Гемер, ни в Тверен никто не входил.

— Куда ж такая куча народу могла пропасть? — Синта нахмурился.

— Не знаю, — Крейн развёл руками. — Но если армия не прибыла на место, значит, что-то или кто-то помешал. Впрочем, там было больше четырёх тысяч человек.

— М-да… — Керван протянул. — Такую толпу так просто не спрячешь и не разобьёшь с ходу. — Он вопросительно глянул на Белуна. Тот молчал и смотрел на карту.

— И самое хреновое, — Крейн постучал указкой по столу, — мы отправили часть своего гарнизона, будучи уверенными, что с таким войском наши парни в безопасности и вернутся назад. Знать бы, что всё так обернётся — я бы и ржавого кинжала из оружейной не отдал. А сейчас из двух тысяч солдат у меня осталось в районе шести сотен.

— Поэтому ты и дал приказ созывать наёмные отряды, — Белун произнёс это бесстрастно, будто констатируя факт. — А корабли держишь для беженцев?

— Угу, — Крейн кивнул. — Только ещё никто не прибыл. Может, осели в Бекаре — это город дальше по королевскому тракту. Может, в Тверене врага остановили и беженцы сейчас там.

— А может, всех перебили по пути сюда, — Номи скептически хмыкнул. — А войска — по пути туда.

Все обернулись на него. Никто не высказал своих мыслей вслух. Циничное замечание, и верилось в это с трудом — но как тогда объяснить пропажу солдат и отсутствие беженцев?

— В любом случае, — Крейн заговорил твёрже, будто повторял это как заклинание, — город надо удержать. Не дать захватчикам заполучить порт. Если враг возьмёт порт — путь на восток будет открыт. А там — другие города. И столица.

— Сколько войск сейчас в городе? — Белун не отрывал взгляда от карты.

— Всего где-то три тысячи. Основная масса — такие как вы, наёмники и прочие вольные солдаты.

— Три тысячи против врага, с которым не справились четыре тысячи, — Керван усмехнулся. — Ну что ж, шансы выжить у нас есть. Хоть и небольшие.

— Разведчиков посылали? — Лема чуть наклонилась над картой.

— Угу, посылали, — Крейн ответил раздражённо.

— И?

— И ничего. Ни следов, ни укреплений, ни даже засранного лагеря. Куда пропали люди и откуда нападают эти твари — неизвестно.

Белун выпрямился и посмотрел на Крейна — в его безразличном тоне чувствовалось подозрительное любопытство.

— Послушай, Крейн. Ты привёл нас сюда, выдаёшь всю информацию, показываешь карты. Зачем? Мы простые наёмники. Пришли убивать или умирать, как повезёт. С чего ты решил посвятить нас во все подробности?

Крейн молчал, глядя Белуну в глаза. Казалось будто он их побаивается, но при этом проникся к ним каким-то доверием и уважением — сам не зная почему. Простые рубаки, каких сейчас в городе сотни, но именно эти шестеро были иными. В них было какое-то странное благородство, какая-то внутренняя порядочность.Крейн знал, что они мясники, способные вшестером вырубить половину его гарнизона, понимал, что при всём своём содержании эти люди готовы убить кого угодно, не различая статуса и ранга. Но именно к ним его почему-то тянуло, как тянет в компанию друзей. И все же он боялся их проницательных взглядов. С того момента, когда он встретился с ними в злополучном кабаке среди порубленных тел, эта компания была спокойна и уверена в своей правоте — настолько, что и сам Крейн не верил в их виновность. Белун заметил этот страх, но не подавал виду.

— Я не могу объяснить этого, — Крейн смотрел прямо в глубокие карие глаза Белуна. — Наверное, вся эта кутерьма легла на меня так неожиданно… — это звучало несколько театрально, — Поддержки нет ни с одной стороны, и большой шанс потерять всё… Мне нужен кто-то, кому можно довериться. А вы…

Он отвёл глаза и глубоко вздохнул.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как скрипит перо клерка где-то в коридоре. Все смотрели на капитана. Даже Джарга перестал переминать пальцы.

— Вы кажетесь мне достойными доверия, — Крейн взял себя в руки и закончил твёрдо.

Никто не знал, что сказать. Никто — кроме Джарги. Здоровяк встал с лавки, на которой молча сидел всё время, пока шли разговоры у карты, подошёл к Крейну и без церемоний обнял его за плечо своей ручищей. Капитан, как тряпичная кукла, был прижат к огромному чернокожему человеку.

— Моя понимать, — Джарга тепло и дружелюбно улыбнулся. — Моя слышать, как твоя душа кричать. Моя помогать тебе, защищать твоя город. Твоя верить — моя помочь.

— У вас немой заговорил, — Крейн улыбнулся, пытаясь вырваться из объятий. — Спасибо, — он сказал, когда Джарга наконец отпустил его. — Наверное, этого мне и не хватало. Понимания.

— Тебя не удивило, что он говорит? — Номи приподнял бровь.

— Я прекрасно знал, что он не немой, — Крейн усмехнулся. — Тот допрос был скорее спектаклем для вас. Я допросил и Болема, и Тейлу до того, как пригласить вас.

— И для чего было представление? — Керван прищурился.

— Убедиться в вашей честности.

— Убедился?

— Вполне.

Глава 3

Кроме Лемы, стену никто не видел, и вся дружина представляла её себе как высокое оборонительное сооружение замкового типа — с башнями и зубцами, где располагаются лучники и арбалетчики, с каменным барбаканом и металлической подъёмной решёткой. Реальность оказалась куда более прагматичной. «Стена» оказалась забором из брёвен, досок, обломков камней и прочего мусора. Вместо ожидаемого барбакана их встретили наспех сколоченные ворота из грубо отёсанных брёвен, скреплённых между собой верёвками и кое-как пробитыми досками. Чтобы их открыть требовалось не менее шести человек, причём на каждую створку. Места для лучников, конечно, были — деревянные помосты, а в некоторых случаях просто куча хлама, сваленного до уровня, с которого можно было стрелять. По периметру стены горели костры. Около них толпились люди, до зубов вооружённые, там и тут слышались хохот, болтовня и ругань. Кто-то дремал, кто-то рассказывал байки о разных странах, где ему довелось побывать, кто-то пил — для храбрости или для согрева. Вообщем царил умеренный хаос, как на городских ярмарках: много шумного народу, но всё в относительном порядке.

— И вот это, — Белун обвёл стену ошарашенным и насмешливым взглядом, — мы должны охранять и в случае атаки удержать?! Ба! Да эта хренотень рухнет, если ветер дунет посильней!

— Интересно, — заговорила Лема, — почему такой город не защитили стеной? Как-никак порт, пусть не самый крупный, но всё же тут идёт торговля, да и люди переправляются, и вообще...

— Именно потому, что он портовый, — ответил Синта. — Ты видела, как защищён сам порт? Это потому, что с воды ожидается атака пиратов или ещё каких вражеских кораблей. С суши ничего не угрожает — дальше территория королевства, а не дикие дебри. — он огладил заплетенную бороду и усы, стирая с них пар от дыхания, — Тут королевский тракт, главная дорога, частые патрули, а значит, маловероятно, что кто-то нападёт со стороны берега.

— А как же Ремон? — спросил Керван, отряхивая мелкий снег с одежды — Помните, нас там нанимали на бандитскую шайку? Так он был закрыт стеной, хоть тоже город портовый.

— Ремон — это город-крепость, стоящий на выкупленной когда-то у Голирии земле, — объяснил Синта. — Царь Сайк из Моллина когда-то купил участок земли на другом континенте для упрощения торговли, а на месте деревушки, стоявшей там, выстроил крепость. Голирийский король думал, что там будет просто торговая точка Моллина, а Сайк, не будучи дураком, разместил там немалое войско — и теперь это не просто торговый город, но ещё и большая проблема для Голирии. Как прыщ на заднице. А тут везде земли Турании, зачем лишние деньги тратить — не от своих же крестьян им защищаться, — с усмешкой закончил он.

— Ясно, — проворчал Керван. — Значит, это... сооружение построили недавно.

— Не просто недавно, — сказал Белун. — Его до сих пор строят. — Он указал на копошащихся рабочих, таскавших доски и брёвна, прибивавших и укреплявших частокол.

— Нам сюда, — поторопил их солдат, сопровождавший дружину.

Они пошли по растоптанной и разъезженной дороге к месту назначения. Компания шагала, утопая в мокром, подтаявшем снегу, поскальзываясь на ледяных прослойках под ним. Они осматривались и видели пустые фундаменты зданий, остатки строений и разбросанный мусор. Белун споткнулся об присыпанный снегом фундамент дама. Керван поднял с земли черепицу — на её внутренней стороне темнели следы копоти. Складывалось впечатление, что город уже разорили или как минимум обстреляли из катапульт. Но Крейн говорил, что атаки были отбиты и ни один враг не пробрался вглубь города. А тут на тебе — такое опустошение.

— Что с этими домами? — спросил Белун у солдата, ведшего их. — Тут врагу удалось прорваться?

— Не-ет, — ответил тот, обернувшись. — Дома сами жители да солдаты разобрали. Как лорд Альдерик приказал, чтобы материал был для постройки этого... — он указал на стену, — как его... а, оборонительного сооружения.

— Ужас, — проговорила Лема, грустно глядя на разобранные остатки домов. — Несчастные люди.

— Война есть война, — сказал Белун. — Бич простого люда. Идёмте быстрее, я уже ног не чую.

Солдат привёл их к месту у восточного края стены. Там стояли растянутые палатки и несколько железных корзин, в которых горели толстые поленья. Возле палаток крутились люди в белых и серых одеждах — были и мужчины, и женщины. Это были лазареты и пункты первой помощи. В лазаретах лежали раненые, которым требовался более серьёзный уход; тут дежурили двое медиков и несколько санитарок. В пунктах первой помощи народу было побольше. По идее, здесь должны были делать перевязки и заниматься незначительными ранами, но на деле лечили наёмников от похмелья и боролись с последствиями перепоя скучающего военного люда.

Дружину Белуна расположили чуть ближе к стене, но палатки было видно хорошо. Там, где они встали, горел большой открытый костёр, у которого грелось четыре человека.

— Приветствуем! — сказал Белун, подсаживаясь к огню на одно из валявшихся рядом брёвен.

— Привет, привет, — отозвались поочерёдно сидевшие у костра.

— Новые лица, значит совет закончился. Ну, тоже хорошо, больше народу придёт, — сказал один из сидевших.

— Чего хорошего-то, — прогудел другой. — Токмо толпа прибавится. Тутошних всех уж выучили, а это щас опять знакомься да узнавай, кто такие и можно ль с ними пить, аль с хразу на хер слать.

— Потише, Волгай, тут среди нас дама появилась, а ты херами кидаешься, — сказал первый и подвинулся, уступая место Леме на нагретой подстилке.

— О, да мы попали в компанию благородных рыцарей, чтящих женский пол, — мило улыбнулась она и присела.

— Ну не совсем рыцарей и не таких уж благородных, но женщин не обижаем, — улыбнулся он.

Керван присел рядом с Белуном, и свободные места закончились. Недолго думая, Номи метнулся к наваленным в кучу брёвнам, выбрал почище и подлиннее.

— Джарга, Синта, давайте сюда, я нам нашёл чистый поджопник! — крикнул он, подзывая друзей.

Джарга подошёл и схватил указанное бревно. Вытянув одно, он обрушил все лежавшие сверху с таким грохотом и пылью, что обернулась половина лагеря поглядеть, как здоровяк с невинным видом стоит в клубах оседающей пыли, будто это не он только что обрушил сложенные брёвна. Синта махнул рукой, схватил бревно с одной стороны и велел Джарге взять с другой. Номи пристроился со стороны Синты, помогая ему. Джарга закинул бревно на плечо — такая ноша была ему в самый раз.

— Ну чего, — сказал один из сидящих у костра мужчин, в кожаной куртке, укреплённой кольчужными вставками. У него были светлые волосы, небольшая бородка и короткие усы. — Может, бахнём за знакомство? — Он вынул бутыль из сумки, лежавшей рядом.

— Не спеши, Тиг, — остановил его первый. — Успеем напиться. — Он повернулся к Белуну и Кервану. — Моё имя Рент. — Как и все, он был одет в кожаную куртку с кольчужными вставками, волосы чёрные как смола, лицо светлое, с весёлыми глазами, и в отличие от остальных он был чисто выбрит. — Этого матершинника, — указал он на второго из сидевших, мужчину, стриженного под горшок, с отвислыми усами и носом, похожим на картошку,

— зовут Волгай. Его, — кивок головы на желавшего выпить, — Тиг. А этот спящий красавец рядом с ним — Конгар. И всё мы вместе — Отряд Перекрёстка, — с гордым и важным видом закончил он.

— Интересное название, откуда оно? — поинтересовался Белун.

— Оттуда, что нас четверо и все мы с разных концов нашей страны, — ответил Рент. — Я с северного региона Моллина, Тиг с запада, Конгар с востока, а Волгай южанин.

— Я понял, — Керван толкнул Белуна в плечо. — Они как бы символизируют перекрёсток концов света, как четыре стороны на розе ветров.

— Действительно, забавно придумано, — улыбнулся Белун.

— А вас как зовут? — спросил Рент, подбрасывая чурбак в огонь.

— Я Белун, он Керван, девушка рядом с тобой Лема, а эти трое, — он указал на несущих бревно товарищей, — Джарга, Номи и Синта.

— А как ваша группа именуется? — спросил Тиг, пытаясь вынуть пробку из бутылки.

— Да никак, — ответил Белун. — Мы как-то без этого обходимся.

— Ну так нельзя, — проговорил Тиг, возясь с пробкой, которая никак не хотела выходить. — Назваться как-то надо, это ж эта... как она, Рент?

— Знаковое имя, — ответил Рент, зевая. — Да, Тиг верно говорит. Без названия такие, как мы, теряемся в общей массе вольных солдат, и нас считают за обычных бандитов.

— Хм... — задумался Керван. — А может, и правда как-то назваться надо? Глядишь, работы будет больше, да и таких событий, как в кабаке, будет меньше.

Рядом грохнулось бревно, разбудив Конгара, который вскочил и, схватив копьё, лежавшее под рукой, стал озираться в поисках источника шума. Бревно подкатили ближе к огню. Места на нём заняла несшая его троица. Все снова представились. Снег не переставал, но вроде стал потише. Ветер тоже поутих, стало светлее — тучи, висевшие над городом серым и гнетущим куполом, начали редеть, выглянула половинка луны, тут и там стали пробиваться звёзды.

Тиг всё возился с бутылкой. Номи подошёл, взял её, мотнул головой, поймал рукой свою косу с маленьким ножичком — тот оказался как раз по размеру горлышка. Номи уткнул остриё в обломленную пробку, поднажал — и пробка проскользнула внутрь бутылки.

— А наливать как? Не закупорит обратно? — спросил Тиг.

— Как и всегда, — усмехнулся Номи. — Пробка-то плавает. Горлышко вниз — она наверх всплывёт. — С этими словами он взял походный кубок Тига и налил вина без всяких проблем.

— Давно вы тут? — спросил Синта, отпивая из кубка и слегка морщась: вино немного кислило.

— Чуть меньше двух недель, — ответил Рент. — Мы прибыли в первой партии, когда город только начал вывешивать призывы по округе.

— Значит, вы бились где-то неподалёку? — поглядела на него Лема, кутаясь в накинутую Рентом на плечи накидку из волчьей шкуры.

— Угу, — ответил тот из глубины кубка. — Тут в двух днях деревенька есть, нас там наняли волков перебить. Расплодились они там ужас как. Кстати, — он игриво толкнул её плечом, — один из них тебя сейчас греет. — Он негромко засмеялся, Лема улыбнулась. — Если кому холодно, — он указал на здоровенную сумку, — берите, там их полно. Мы их тут продать хотели, но, как видно, придётся переть в другое место, а пока чего им лежать — берите, укрывайтесь.

Белун поднялся и взял две шкуры: одну накинул на себя, вторую отдал Кервану. Номи взял одну себе и ещё три для Джарги, который холод всегда терпеть не мог, но никогда в этом не признавался. Номи накинул шкуру на себя, укрывшись с головой. Джарга укрыл колени одной и накинул две на плечи, по одной на каждое. Синта не взял ни одной и даже расстегнул верхние застёжки на кожаной куртке.

— А ты, гляжу, горячий парень! — сказал Волгай. — Тут сидишь, говно в жопе мерзнет, а ты вона — ещё и расстегнулся.

— Ха! — воскликнул Синта. — Это разве холод? Побыл бы ты на борту драккара в шторм в водах Хейрнарского моря!

— Да иди ты, — засмеялся тот в ответ. — Я ещё не охерел в такую морозилку плыть.

— А ты ведь тоже с севера? — спросила Лема, обращаясь к Ренту.

— Ну да, — ответил он. — Только севера разные бывают. Не забывай, что я с севера Моллина, а там выращивают помидоры и виноград.

— Моллин, — пояснил Синта, — страна тёплая. Там, кажется, и зимы-то не бывает.

— Бывает, — ответил Тиг, — но она короткая и без снега, токмо грязища одна, аж два месяца грязь да дожди.

— Верно, верно, — сказал Рент. — А ты бывал у нас?

— Бывал. Мы туда за деньгой заходили, когда я ещё пиратствовал, — ответил Синта.

— Грабили наши города? — удивились все четверо.

— Нет, — хохотнул Синта, отбирая усы, — торговали. Моллин торгует со всеми.

— Это да, — сказал Рент. — У нас не смотрят, кто и откуда. Торговля с бандитами приносит барыши в казну, а это самое главное. Мы так пересидели не один экономический кризис.

— Деньги, стало быть, для вас не пахнут? — спросил Номи.

— Неа, — потягиваясь, ответил Рент. — Монета есть монета, какая разница, что её приносит. Если быть кристально честным — значит быть с пустым брюхом.

Ночь тянулась долго, как ни пытались торопить её алкоголем и разговорами, а сон подступал. Снег совсем перестал докучать, и огонь от костра начал греть интенсивнее. Первой улеглась спать Лема. Рент высыпал волчьи шкуры из сумок — их оказалось довольно много, охота явно удалась на славу. Шкур хватило всем. За Лемой улеглись Белун, Номи и Джарга. На противоположной стороне костра устроились Керван и отряд Перекрёстка. Синта вызвался остаться следить за костром. Сон его не беспокоил. Прикладываясь к своей заветной баночке, он подогревал и бодрил себя содержимым. Тишину ночи нарушали стоны раненых в лазарете. Вдоль всей стены раздавался храп, щелканье поленьев в кострах и негромкое бормотание следивших за огнём людей.

— Гнетущая тишина, не правда ли? — вдруг кто-то сел рядом с ним на бревно.

Синта обернулся, машинально хватаясь за стоявший рядом топор. Он увидел человека в сером балахоне, с накинутым на голову капюшоном. Из-под серой материи на него смотрели усталые глаза с синими кругами на худощавом, бледноватом лице.

— Мордекай? — узнал его викинг. — Зачем так подкрадываться? Чуть ведь не зарубил.

— Прошу прощения, — скромно улыбнулся жрец. — Я и не думал пугать, просто вышел из лазарета на воздух и увидел тебя. Твою бороду ни с кем не перепутаешь.

— Так ты тут врачевателем заделался?

— Да, — жрец поглядел на звёзды. — Как священник, я владею целительными чарами, да и кое-какие навыки в медицине мне не чужды. Я, конечно, не полноценный медик, но мелкие ранения и переломы доводилось лелечить. Но сейчас поступил солдат из стражей лорда, с жутким поносом и все бояться дизентерии. Так что еще и очищением палаток приходиться заниматься. А вы, как вижу, нашли новых друзей, — посмотрел он на спящих парней из Перекрёстка и примостившегося рядом с ними Кервана.

— Угу. Они тут уже были, когда мы пришли. Видать, в усиление нас приставили. — Он отхлебнул из баночки, взял наполовину пустой бутыль с вином, стоявшую рядом с бревном, где сидел Белун, и предложил его Мордекаю.

— Благодарю, — ответил он, отпив глоток. — Слегка кисло.

— Что поделать, это их вино, — Синта кивком указал на спящих. — Ты видел раненых?

— Разумеется, я же в лазарете служу.

— Что скажешь о ранах? А то мы вообще не знаем, с кем дело иметь придётся, а слухов уже вдоволь наслушались.

— Боюсь, что и я не порадую вас новостями, — вздохнул жрец. — Раны у многих бойцов скорее подтверждают слухи, и притом самые скверные. В основном раны говорят об ударах когтями. Есть раны рваные и даже кусаные. Всё говорит о том, что биться им пришлось с какими-то зверями. Не думаю, что такие повреждения может нанести оружие наточенное. Так не ранит даже тупой меч или топор.

— Значит, о людях-ящерах — это правда, — задумчиво проговорил Синта.

— Этого я не знаю. Есть одна странность. При кусаных ранах обычно бывает заражение, так как в слюне и полости рта тех, кто может так укусить, много бактерий. Тут же заражения не наблюдается ни у кого.

— И что тогда это может быть? — неожиданно проговорил Белун, проснувшийся от разговора и молча слушавший.

— О, мы тебя разбудили? — виновато спросил жрец.

— Угу, — спросонок ответил он. — Но всё равно пора бы просыпаться, скоро будет светать. — Белун поднялся и сел, понизив голос, повторил вопрос: — Так что там с заражением?

— Неизвестно, — Мордекай пожал плечами. — Даже именитые медики, а такой у нас есть, в морге тут работает, и он не может сказать, что это может быть.

— Значит, как всегда — узнаем всё на деле, — буркнул Синта. — Хотя бы знать...

Он не закончил. Его оборвал душераздирающий вопль умирающего человека, причём умирающего тяжело. Раздался второй крик — высокий, женский. Третий, за ним четвёртый. Лагерь у стены начал просыпаться, как пчелиный улей, если садануть по нему палкой. Быстро начал нарастать гул паники, крики и команды, панические вопросы «что случилось?». Всё выглядело как движение песка, если ткнуть палкой в склон песчаной горки.

Белун вскочил, незамедлительно выхватив меч, бросил ножны на лежак, поднял свой небольшой каплевидный щит. Синта встал, поставив баночку, и схватил топоры. Остальные тоже проснулись, в непонимании крутя головами и щурясь спросонок.

— Вставайте! К оружию! — скомандовал Белун голосом, не терпящим пререканий. Единственный, кого не потревожили крики и шум, был Номи. Синта разбудил его пинком. Подчиняясь команде Белуна, поднялись и Рент с товарищами — похватали оружие и встали в боевой готовности. Белун обратил внимание, что все они были вооружены копьями и круглыми металлическими щитами, а головы защищали яйцевидные шлемы с нащечниками, завязанными под подбородком кожаными шнурками. Только шлем Рента украшал гребень чёрно-белого цвета — видимо, чтобы было ясно, кто командир отряда. Все стояли в ожидании, не зная, откуда ждать нападения. Крики меж тем усиливались, становились чаще, зазвенели клинки, добавились боевые кличи и крики ярости. Видимо, западная часть лагеря, откуда доносились крики, проснулась окончательно и перешла от непонимания к отпору.

— Надо идти туда, — сказал Рент. — Там нужна помощь.

— Нет, — отрезал Белун. — Мы должны быть здесь. Там хватает мечей, а у нас за спиной лазарет.

Послышалось шуршание осыпающихся камней — со стороны того места, где стена упиралась в скалу, закрывавшую подход к городу с обеих сторон, как воронка. Первым среагировал Номи. Чтобы разглядеть, что к чему, он быстро намотал на наконечник стрелы кусок материи, вытащил из лежавшей на земле сумки Кервана маленький пузырёк с вязкой желтоватой жидкостью, облил ею обмотку и сунул в костёр. Масло, которым была облита тряпка, мигом вспыхнуло, затрещав жарким пламенем. Номи натянул тетиву лука и пустил стрелу в сторону шуршащих камней. Она угодила в кучу сваленных остатков досок и стружки. Свет стрелы осветил дыру в скальной породе и металлические поблёскивания в чёрной пустоте. Дыра с

каждым отблеском становилась шире — камни отваливались от скалы, рассыпаясь по земле. Опилки занялись огнём и дали больше света, проявив неуклюжие фигуры, вываливающиеся из пролома. Номи крикнул, и вся группа обернулась в ту сторону. Из пролома уже выбрались трое, четвёртый, покрупнее, протискивался в узкую щель, за ним виднелись фигуры ещё как минимум двоих.

Оценив обстановку, Белун выстроил всех в сторону пролома. Отряд Перекрёстка тоже начал выполнять его команды, как бы автоматически, решив, что командир должен быть один — иначе будет хаос и никакой обороны.

Первые двое пришельцев кинулись на приготовившихся наёмников — тихо, без криков, лишь размахивая лапами. Позади болтались длинные хвосты с костяным гребешком. За ними последовали следующие. По приказу Белуна в бой вступили Тиг и Волгай, приняв на себя первую пару; вторых приняли на себя Рент и сам Белун. Номи слал стрелу за стрелой, метя в чёрный провал. Судя по хрипам и стонам, доносившимся из пещеры, в кого-то он всё-таки попадал.

Волгай упал, сбитый с ног ударом лапы. Хоть удар и пришёлся в щит, он всё равно потерял опору под ногами. Видя, как ящероподобная тварь заносит костлявую лапу над ним, чтобы добить, ему на выручку кинулся Конгар, стоявший позади в запасе. Удар копья пришёлся прямо в горло твари — та забулькала и захрипела, схватив копьё руками и уронив лапу. Конгар, пытаясь вырвать копьё из чудовищной хватки, трепал тварь, как куклу на палочке. Ему помог Волгай: поднявшись, он с размаху вмазал твари щитом. Та отступила назад и грохнулась на землю. Вторую тварь заколол Тиг: она атаковала его, промахнулась, потеряв равновесие, и сделала лишний шаг вперёд. Волгай не растерялся и подставил древко ей под ноги, а когда тварь рухнула животом вниз, пригвоздил её копьём между лопаток.

Рент и Белун сдерживали щитами удары тяжёлых лап чудищ. Звук от ударов был необычно твёрдым — будто камень о железо. Первого ящера сразил удар могучего молота Джарги. Размахнувшись, силач опустил боёк своего оружия прямо на голову монстра. Хребет сломался в нескольких местах, рёбра, разорвав кожу, вздыбились, словно спинной плавник ерша, бедренные кости вылезли через коленные суставы, уткнувшись в землю. От чудовища осталось жуткое, истекающее кровью месиво.

Вторая тварь, увидев это, отскочила, отпустив щит Рента, в который вцепилась рукой, а второй лупила что есть мочи, пытаясь сдвинуть щит и ранить его. Ренту не хватало сноровки, и он отхватил по ноге — когти рванули штанину, живая кровь побежала в сапог, но Рент не отступил, а лишь усилил натиск. В тот момент, когда чудище отшатнулось и освободило щит, он изловчился и насадил тварь на копьё, пронзив плечо. Тварь издала короткий рёв, который прервал меч Белуна, срубивший голову твари с плеч.

От разлома бежали ещё пятеро, и вылезал шестой.

Первый упал от удара стрелы, попавшей ему в грудь. Сила выстрела опрокинула чудовище, будто оно нарвалось на натянутую проволоку. Второй остановился, схватившись за горло — в нём торчал по самую рукоятку метательный нож Лемы. Рент рухнул, обхватив раненую ногу, — боль стала невыносимой. Белун скрипнул зубами: потеря, а бой даже не разгорелся как следует.

— Волгай, забери Рента! — крикнул Белун. — Синта! Подмени его, живее!

Волгай обернулся, тут же бросил копьё и щит в сторону костра, схватил Рента подмышки и потянул назад, ближе к огню. Рент зашипел от боли, но не застонал — только побледнел ещё сильнее. Синта выступил на его место. Оставшиеся трое ящеров приближались. Тиг принял на себя двоих. Белун рванулся вперёд и с разбегу протаранил третьего щитом, сбив его с ног, тут же заколол мечом и снова закрылся щитом от удара только что вылезшего из провала чудища. Каменные удары лап монстра сыпались один за другим, не давая Белуну перейти в атаку, сковав его в глухой обороне.

Подлетел очередной ящер, появившийся из провала. В замахе пытаясь ударить его, тварь зашла с правой, открытой стороны. Белун быстро сменил стойку, чтобы защититься мечом, но этого не потребовалось. Прямой толчок молота откинул монстра — тот отшатнулся и, встряхнувшись, бросился на Джаргу. Здоровяк закрылся рукоятью от удара сверху, заблокировал его, но пропустил удар сбоку. Удар пришёлся в плечо — когти не коснулись кожи, лишь глухой толчок. Джарга даже не пошатнулся. Он сделал шаг вперёд и с силой пихнул ящера в грудь. Тот отшатнулся, напружинился для броска, но получив могучий пинок промеж ног, подлетел, выронил оружие и упал, свернувшись клубком. Джарга замахнулся и обрушил молот твари на спину — хруст костей был слышен даже сквозь гул боя. Ящер дёрнулся и затих.

Освободившись от второго чудища, Белун выбрал момент и нанёс короткий удар щитом, оглушив тварь. Пока та пыталась вернуться к атаке, рядом с ухом Белуна что-то просвистело. Ящер ухватился за плечо, вырвал маленький нож, вошедший почти до упора, бросил его на землю. Чудище подняло взгляд на Белуна. Поздно. Белун совершил оборот вокруг себя, набирая силу для замаха, и нанёс удар снизу наискосок. Половина головы монстра взлетела и упала в пяти шагах от тела, рухнувшего как мешок с песком.

Тиг, держа обоих ящеров, пятился назад. В ту же минуту рядом возникла рыжебородая фигура, и один из ящеров тут же свалился с разрубленным черепом. Второй получил пинок в бок, сжался и получил тычок копьём в левую ключицу. Синта, зайдя справа, врубил топор в правой руке ему подмышку. Рёбра не выдержали, и из-под лезвия хлынула фонтаном кровь. Ящер рухнул, дёргая хвостом, и затих.

У костра Мордекай перевязывал ногу Рента, что-то бормоча. Из ловко обвязывающих чистой тряпицей рук исходил тёплый свет. Боль отступала, кровь уже не пробивалась через ткань. Рент лежал, стиснув зубы, и смотрел в небо — лицо его было серым, но он не стонал. Только рука, сжимавшая древко брошенного копья, побелела от хватки. Рядом на коленях сидел Керван, переливая и добавляя из баночки в баночку, сыпля порошки и взбалтывая. Закончив, он поднялся и торопливо подошёл к Номи.

— Привяжи к стреле и пусти в эту пещеру, надо прикрыть её, иначе они так и будут лезть, — сказал старик, протягивая баночку.

Номи так и поступил. Лема держала стрелу, пока лучник прилаживал к ней баночку. Прицелившись, он выстрелил. Стрела пересекла поле боя и угодила точно в пролом. Раздался мокрый, липкий звук бьющегося стекла, и через секунду из пещеры с гулом и грохотом вырвалось пламя, неся с собой камни и куски разорванных тел. Отверстие в скале обрушилось. Клубы пыли рассеялись по земле.

Бой был окончен. Белун стоял, тяжело дыша, и смотрел на тела чудовищ, разбросанные у пролома. Руки ещё подрагивали от адреналина. Он вытер меч о шкуру ближайшей твари и вложил его в ножны, но щит не опускал — на западном краю бой продолжался.

Мордекай закончил с раной. Рент посмотрел на свою перевязанную ногу, потом на жреца.

— Спасибо, — сказал он коротко. — Но я снова в строй не встану. Нога не держит.

— И не нужно, — ответил Мордекай, кладя руку ему на плечо. — Ты сделал своё. Теперь моя очередь.

— Да не в том дело, — Рент скрипнул зубами. — Мои там, без командира. Конгар — парень крепкий, но безрассудный.

— Твои справятся, — сказал Белун, подходя к ним. — Они только что показали, что умеют. А ты лежи и лечись — живой командир лучше мёртвого.

Рент посмотрел на него долгим взглядом и кивнул.

— Ладно. Но если они все сдохнут без меня, я тебя с того света достану.

— Договорились, — невесело усмехнулся Белун.

Мордекай и Волгай уложили Рента на шкуры у костра. Жрец остался рядом, следить за раненым.

Глава 4

Тем временем на западном краю активно шло сражение. Там образовался такой же пролом, но куда шире, так как все ещё спали и не успели среагировать. Оттуда перли волна за волной людоящеры. Защищавшие город наёмники держались как могли. На скользкой от крови земле было сложно обороняться, защитники медленно сдвигались к центру. Их оттесняли от пролома, и теперь у чудищ было место для формирования ударных групп по десять-пятнадцать бойцов. Среди них метались невысокие существа, шнырявшие меж дерущихся и утаскивавшие тела убитых в пролом. Они тащили и своих, и чужих. Палатки лазаретов, стоявшие у этого края стены, в срочном порядке начали эвакуировать в сторону города. Городская стража стояла стеной у единственного спуска, ощетинившись алебардами, и поочерёдно пропускала медиков и санитаров, тащивших из лазарета людей.

Получив немного времени для передышки, друзья занялись подготовкой к дальнейшему бою и осмотром тел чудовищ. Солнце постепенно поднималось, но из-за тяжёлых туч не давало столько света, чтобы хоть что-то разглядеть. Синта притащил один труп ближе к костру. Все подошли. Быстро осмотрев всех и убедившись, что всё целы и невредимы, Мордекай и Керван склонились над телом убитого.

— Что это за дьявольщина? — сказал Керван, указывая на то место, где кончалась шкура рептилии и начиналась кожа. — Погляди, тут как будто швы...

— Да, действительно, — ответил жрец. — Это шкура какого-то крупного ящера была пришита нитью, что рассасывается сама, прямо к коже... — Он тихонько потянул за кожу рептилии, и та начала отслаиваться.

— Фу! — воскликнула Лема. — Кому такое вообще в голову смогло прийти? И как они вообще выжили после такого?

— Вопрос, — сказал Керван. — Думаю, это сделано в лаборатории. Вот только зачем тратить столько сил, чтобы так уродовать людей.

— Какой-то ритуал? — предположил Мордекай.

— Возможно, — ответил некромант. — Но в таких масштабах... Странный ритуал.

— Белун, твоя посмотреть, — пробасил Джарга, протягивая оружие людоящеров.

Белун взял и осмотрел. Оружием оказался круглый камень чёрного цвета, с воткнутыми в него медвежьими когтями. Камень крепился на деревянном стержне, обмотанном кожаными ремешками. Рукоять так же формировала обмотка из перекрещивающихся ремешков.

— Занятная вещица, — сказал Белун. — Как-то не совпадает одно с другим. Людям делают странные, но явно не дешёвые процедуры с пришиванием ящериной шкуры, чтобы отправлять их на убой, вооружая камнями на палках.

— Ты в серьёз думаешь, — спросила Лема с иронией, — они могли взять такие города, как Гемен или Тверен? Я уже не говорю о Летрене.

— М-да... — протянул Белун. — Тут я с тобой согласен. Разве что...

— Что?

— Взяли числом? — рассуждал Белун.

— Хочешь сказать, — начал Керван, — их бесчисленная армия? Сомневаюсь.

— Почему же?

— Ну, подумай сам, — Керван нахмурился, подбирая слова. — Всякое войско из живых людей имеет предел. Люди рождаются, вырастают, учатся воевать. На это уходят годы. Даже если их кто-то плодит, как кроликов, — есть предел тому, сколько можно прокормить, вооружить, обучить. А ящеры лезут волнами, и им, похоже, всё равно, сколько их до них погибло. Это не похоже на живое войско.

— Ладно, — поднялся Белун. — Потом будем считать врагов. Надо двигать к западному краю, там бой в разгаре. — Он посмотрел на Рента. — Как ты? Биться сможешь?

— Да, но не так активно, — ответил Рент, пытаясь приподняться. Мордекай придержал его за плечо. — Если поможете дойти, то в бою обузой не буду.

— Синта, прикрой того, — указал Белун кивком на труп, — и помоги Ренту, мне со щитом неудобно.

Викинг прикрыл шкурой покойника, лежавшего у костра, и помог подняться Ренту. Тот вскрикнул и снова упал на здоровую ногу, зажав руками раненую.

— А, мать твою! — выругался Рент. — Кажется, я себя переоценил. Не могу я стоять.

— Дерьмо, — выругался Белун. — Волгай, отведи его в лазарет и сразу к нам.

— Не нужно, — сказал Мордекай, помогая Ренту подняться и взваливая его на себя. — Я помогу ему. Идите, не тревожьтесь. Он будет жить — рана чистая.

Рент посмотрел на удаляющихся товарищей поверх плеча жреца и сжал челюсть.

— Конгар! — крикнул он. — Если сдохнете без меня, я с вас мёртвых шкуру спущу!

Конгар обернулся, ухмыльнулся и коротко кивнул.

Все направились к западному краю. Тем временем там набралось немало врагов. Кольцо вокруг пещеры расширилось, ящеры оттеснили защитников почти к центру. Убитых ящеров тут же сменяли новые, тела исчезали в провале, из которого появлялись новые твари. Казалось, этому нет конца. Враг прибывал без конца и края, а силы защитников таяли с каждым убитым солдатом. За спинами наёмников начали строить деревянные преграды — вкапывая заострённые колья в землю под углом и оббивая их досками. Отступая, люди обходили баррикады и переходили к обстрелу врага. Вторая линия обороны, сколоченная наспех, всё же остановила продвижение врага. Лучники и арбалетчики держали людоящеров на расстоянии, не позволяя приблизиться. Те же, кто прорывался, получал копьём или алебардой, просунутыми через щели баррикад. Земля перед проломом парила от крови. Всё было утыкано стрелами, но не было ни единого трупа — мелкие твари утаскивали тела, как только ящер падал.

Наступило затишье. Из пещеры никто не выходил, люди на баррикадах стояли готовые к стрельбе. Только стоны раненых нарушали эту липкую, тяжёлую тишину. Медики и целители, сбиваясь с ног, носились от бойца к бойцу, перевязывали раны, вынимали обломки когтей. Крейн бегал вдоль баррикад, отдавая приказы и проверяя снаряжение. Со всех сторон на него сыпались жалобы на нехватку боеприпасов. Стрелы и арбалетные болты закончились очень быстро и очень некстати. Прекращение атаки не говорило о том, что битва окончена. Крейну это казалось затишьем перед бурей.

— Где стрелы?! — Он схватил за грудки пробегавшего мимо курьера со склада. — Где, мать твою, стрелы, я спрашиваю?

— Г-господин капитан, — пролепетал парнишка, которого Крейн трепал, как игрушку, — в цейхгаузе каптенармус Шнук г-говорит, больше не выдаст ни одной стрелы без подписанного королём приказа, иначе у него отчёты не сойдутся, а отвечать будет он за недостачу.

— Что!? — взревел Крейн. — Я верно расслышал?! — Он отшвырнул парня. — Этот жирный боров совсем спятил?! Какой к дьяволу приказ короля?! Он не понимает, что творится?

— Что шумишь, капитан? — спросил с усмешкой Номи, когда вся группа приблизилась к новым баррикадам.

— Вы что тут делаете?! — лицо Крейна было пунцовым от ярости. — Я где назначил вам пост? Чего вы сюда припёрлись? Что на восточном краю?

— Не ори, Крейн, — тяжело дыша, сказал Белун. — Наш пост чист. Мы отбили атаку , завалили пролом в скале, там покой и тишина. Так что нам стало скучно, и мы пришли поболтать с тобой.

— Мне до ваших глупых шуток! — Капитан шагал из стороны в сторону. — Со склада стрелы не дают, как будто это его личные припасы. У меня людям защищаться нечем, а этот откормленный хряк требует приказ с печатью короля!

— А что, ты повлиять не в состоянии? — спросил Белун. — Ты же командуешь обороной.

— Как видишь, мне не до беготни. Нужно укреплять оборону. Когда и что полезет из этой дыры, мы не знаем, а теперь ещё и эта проблема со стрелами. — Ярость Крейна перешла в бессилие. Он остановился, потёр лицо ладонью и посмотрел на Белуна. — Я не знаю, что делать. Если они снова пойдут в атаку, а стрелять нечем — мы эту баррикаду не удержим.

Ситуация была действительно критической. Не растерялась одна Лема. Будучи опытным шпионом, ей не в новинку было выкручиваться из подобных дел. Схватив сумку, висевшую на плече Номи, она покопалась в ней и извлекла толстый свёрток из нескольких пергаментов, перевязанных шнурком и скреплённых печатью из сургуча.

— Это она? — спросила Лема, показывая Крейну на печать. — Это печать вашего короля?

— Да, — ответил он, присмотревшись. — Но это же приказы о вашем зачислении и довольствии.

— И что? — хохотнула Лема. — Потом поставите другую, и всё будет как надо. Найди кусок чистого пергамента и перо.

— У меня всё есть, — сказал Керван, открывая свою сумку.

— Отлично. Джарга, дружочек, постой спокойно, будешь письменным столом.

Джарга повернулся спиной и слегка наклонился. Девушка взяла пергамент и перо, баночку чернил она вручила ничего не понимающему Крейну и принялась что-то выводить, сдув прядку волос, повисшую перед глазами.

Старик закрыл сумку и, глядя, как девушка канцелярским почерком выводит ровные буквы, достал трубку и кисет, набил её и закурил, пустив дым из ноздрей.

— Что ты делаешь? — спросил Крейн.

— Не мешай, сейчас всё узнаешь, — прошипела девушка, старательно выводя буквы, немного высунув язык.

Закончив работу, Лема подала Крейну для чтения пергамент. Он быстро пробежал текст, глаза его расширялись от строчки к строчке, а на губах распускалась странная улыбка.

— Дьявольщина! Да это же приказ о снабжении войск! — хлопнул он тыльной стороной ладони по документу. — Даже роспись короля... Но как?

— Скопировала с нашего приказа, — улыбнулась девушка.

— Что б меня черти драли, — протянул капитан. — Всё как надо, только печати не хватает.

Лема содрала печать со своего свёртка, поднесла его к огню, пылавшему в железной корзине рядом с которой они стояли, и прикрепила её под размашистой подписью короля, аккуратно, чтобы не сместить рисунка.

— Всё, можешь нести его в цейхгауз, твой каптенармус не отвертится от королевского приказа, — протянула она ему свёрнутый пергамент.

— Держи и дуй в цейхгауз, — сказал Крейн, вручая пергамент пареньку. — И передай Шнуку от меня лично, что если не начнутся поставки, я его сгною в яме!

Паренёк, схватив свёрнутый пергамент, исчез в толпе.

— Даже не знаю, что и сказать, — протянул Крейн, глядя на Лему с хитрой улыбкой и благодарным взглядом. — Это ведь вроде как не законно, но ладно — закрою на это глаза.

— Может, рискнём? — сказал Синта. — Глянем, что в пещере? Может, уже и нет там никого?

— Э-э, нет, — ответил Номи. — Сиди тут, за баррикадой. Ты сам видел, что за хрень нападает, а что там внутри? Сейчас нарвёмся на ещё большую проблему. Лучше встретить тут, на открытом пространстве, чем в закрытом.

— Номи прав, — сказал Белун. — На территорию противника соваться глупо, не зная, с кем мы имеем дело.

От разговора их отвлекли крики у ворот. Шум нарастал, люди начали перемещаться к центру, не ожидая приказа.

— Что-то не так, — Крейн кинулся, расталкивая собеседников. — Там что-то происходит. За мной.

Все двинулись вслед за капитаном. Все, кроме отряда Перекрёстка, — они остались на месте, сказав, что хотят передохнуть, пока есть возможность. Конгар, впрочем, посмотрел им вслед и бросил:

— Если что — мы тут. Кричите.

Подойдя к воротам, Крейн стал допытываться, в чём дело, почему люди оставляют позиции у баррикад без приказа.

— Так вона, сам глянь, командир, — ответил один из наёмников, указывая на ворота. — Там прям толпа стоит, явно не на чаепитие пришли.

Крейн подошёл вплотную к воротам и заглянул в щель между досок. И правда — чуть дальше, чем два полёта стрелы, стоял столб пыли, через который проглядывалась толпа. Не было возможности рассмотреть, кто приближается и в каком количестве, однако то, что их было немало, было ясно по клубам пыли.

— Всем приготовиться! — скомандовал Крейн, отходя от ворот. — Вы слышали? Всем приготовиться к бою!

Воины выстроились шагах в тридцати от ворот, рассредоточившись вдоль линии стены в три ряда. Стрелки спешно поднимались на деревянные помосты. Из города начали подвозить накрытые телеги — в них лежали связанные верёвками стрелы и болты. Их тут же разхватывали, как горячие булочки, и быстро несли на позиции стрелкам. Опустевшие телеги отгоняли обратно за новой партией.

— Да их там тьма несусветная, — глядя в щель забора, сказал Синта. — Сдюжим?

— А есть выбор? — спросил Белун. — Номи, что там видно? — крикнул он, подняв голову.

— Туча пыли и точки в ней. Что я тебе — ястреб, что ли? — усмехнулся с помоста лучник. — Я сквозь пыль не вижу. Подойдут ближе — скажу.

— Может, к остальным отойти? Первыми ведь снесут, — сказала Лема.

— Не-е. Моя Номи не бросить, — прогудел Джарга, опершись на свой молот.

— Верно говоришь, — сказал Синта, водя по лезвию топора точильным камнем. — Встретим с огоньком.

— Кажется, битва откладывается, — крикнул сверху Номи. — Они не похожи на тех, кто нападал.

— То есть? — крикнул в ответ Белун. — Кто там?

— Вроде простые люди, не видать, чтобы что-то необычное в них было. — Номи всматривался, приложив ладонь ко лбу. — Телеги вижу, но немного, и гружёные здорово. Твою же мать! Это беженцы! Открывайте ворота!

Не ожидая приказов Крейна, ворота начали открываться. На всякий случай вход окружили готовые к бою солдаты. Но увидев телеги и двигающихся к ним женщин, детей, стариков, они расступились, пропуская их. Замыкали толпу мужики и парни, все вооружённые вилами, дубинками, серпами, мотыгами. Все были изможены и голодны, дети надрывались плачем, старики буквально падали на ходу, и их приходилось тащить. На возах, меж вещей и кое-какой

мелкой домашней скотины — в основном это были куры и гуси в клетках, — лежали раненые и измождённые люди, грудные дети, завёрнутые в простыни.

Крейн, не став поднимать шум из-за самовольности и открытых без распоряжения ворот, нашёл старшего обоза. Руководил им невысокий, крепкий мужик — голова его была лысая, как колено, но лысину компенсировала роскошная борода. Когда всё более-менее успокоилось, людей распределили и все вернулись к своим обязанностям, Крейн, Белун, Лема, Синта и лысый бородач уселись на брёвнах у костра. Остальные помогали чем могли, продолжая укреплять стену и помогать раненым.

— Откуда вы? — начал Крейн.

— Отовсюду, господин, — ответил бородач. — Я-то сам Гельмер, кузнец из Летрина...

— Летрин? — перебил его Синта. — Значит, там остался кто-то живой?

— Ага, господин, с Летрина мы. Ну, мы — это я, жена и дочка. Мы только и остались. Тута, значит, в этом обозе, может, где ещё кто спасся, токмо я не знаю, так али нет.

— Что случилось там? — снова спросил Крейн. — Мы давно не получали вестей из западных городов.

— Так неоткуда слать вести-то, господин. Летрин пал, Тверен и Гемер разорены и так же пали. Все, кто тут в обозе, значит, понемногу собирались. Кого в лесах встречали, кого ещё где находили. Так и катились прирастая, навроде комка снежного, когда его зимой катать начнёшь.

— И это всё, кто выжил?

— Не знаю, господин. Говорю ж, может, ещё кто сбёг. Мы-то ушли по тоннелю, что под моей кузницей был, он в аккурат за стену выходит. Ну, по нему и уходили, когда в городе резня началась.

— Кто атаковал город? — спросил Белун.

— Ох, господин хороший, даже и не знаю, как ответить-то. — Гельмер начал потирать рукой лысину. — Они, понимаешь, навроде людей, да разве люди могут так жестоко поступать? Я, конечно, знаю, что война есть война и всё в том духе, но детей резать, беременных, стариков беззащитных рвать как тряпку... Это, государь мой, нелюди... Так даже в войну с солдатами врага не поступают на поле боя...

— Ты ещё не знаешь, какими могут быть именно люди, — серьёзно вставил Белун. — А они могут быть похуже любого зверя.

Крейн как-то странно посмотрел на него и, снова обратившись к кузнецу, спросил:

— Ты сказал, вы бежали через тоннель, но сейчас описал всё так, будто видел нападение.

— Нет, нападения не видал, — ответил кузнец. — Я в город возвращался, когда всё вроде улеглось и крики стихли. Поглядеть, может, кого удастся спасти, вывести из города-то. Но...

— Не робкого ты десятка, видимо, — заметила Лема, глядя на него с лёгкой улыбкой. — Если решился вернуться. Не боялся, что и тебя убьют?

— Боялся, госпожа, страсть как боялся, да токмо там люди могли быть, а им-то страшнее было бы. Я ж в войне с пустынниками участвовал, ну что лет десять назад была. В плену у них был и ещё с десяток наших парней. Вот уж после них-то бояться нечего. Уж какие там зверства они с нами чинили, не опишешь, и то не скажу я, что они хоть в половину так жестоки были, как те, кто на нас напал...

— Значит, ты никого не нашёл в городе, раз вы единственные, кто выжил? — спросил Синта.

— Найти-то нашёл, да уж поздно было. Те, кого я нашёл живыми, были жутко покалечены. Кому руки выдрали с корнем, кому ноги. Они животы вспарывали и оставляли, привязывая людей к столбам, — кузнец поёжился. — Даже вспоминать страшно, господин, не заставляй...

— Но всё же, откуда они пришли? Как в город-то попали? — допытывался Крейн.

— Ну... Точно-то я не скажу, что да как, а вот что дочь моя говорила — скажу. — Он наклонился, опершись локтями в колени. — Линка, дочка моя, она, значит, с ребятами соседскими к колодцу играть ушла. Я-то в кузне занят был, возничему нашему лошадь подковать надо было, жинка в избе по хозяйству занималась. Тут слышу — Линка дуром орёт в избе. Я бросил всё и к ним. Михай тоже со мной побег, это возничий наш. Вбегаем мы и глядим — Линка-то моя вся в крови вымазана, будто кто её из вёдер окатил, орёт, глаза дикие, сама как кол оцепеневшая. Я к ней, тормошу, спрашиваю, мол, чего стряслось, чья кровь на ней, саму её осматриваю — может, убилась где.

— Покороче, — буркнул Крейн.

— Да тихо ты, — шикнула на него Лема. — Пусть говорит, может, что важное скажет.

— Ну так вот, — продолжал Гельмер, — Линка сказать ничего не может, кроме крику дикого, будто испугалась чего-то. Ну я, что в голову то и пришло, самогону ей в чашку плеснул, в рот залил и закрыл рукою, чтобы, значит, проглотила. Прокашлялась она, вроде как вернулся разум-то к ней, и давай она тут небылицы рассказывать. Ну, мы так решили, что вроде как небылицы-то.

— Какие небылицы? Что она рассказала? — спросил Синта.

— В пряталки они играть начали. Это когда кто-то один ищет, а другие, значит, прячутся. Ну вот ей водить выпало. Всех нашла, а одного мальчонку — ну никак нигде нету. Ну где ещё не смотрела? Ага, в колодце, наверное. А мальчонка шебутной такой, без мыла влезет в любую жо...

— Короче, — оборвал его Крейн.

— Ну да, — осёкся бородач. — Ну, стало быть, она к колодцу, а он там, за верёвку держится, висит. Ну, нашла она его, он только наверх лезть — и в крик, мол, что-то его за ногу схватило и вон во тьме скрылся, и только плеск и крик, как будто из-под воды. Ребята-то испугались, знамо дело, шутка ли в колодец-то ухнуться. Давай ворот всей оравой крутить, подымать, значит, а идёт тяжело, думали — его тянут. А как вынули, так и обмерли все. Вытащили они оттуда тварь какую-то, в чешуе зелёной, зенки на выкате. Она тут же кинулась на них, двоих на месте положила, глотки порвала — и за остальными кинулась... Дочурка моя рядом стояла, когда тварь детей-то погубила, кровью её и обдало... За первой вторая вылезла, затем третья. Дале-то она уже домой побегла, и боле ничего не видала...

— То есть они пришли через колодец? — спросил Синта. — Город не осаждали, на ворота не бросались, стены не штурмовали — пришли и напали изнутри, так выходит?

— Угу, — ответил Гельмер. — Так и выходит.

— А как они в колодец-то попали? — хлопнув Белуна по плечу, спросил Синта.

— Подкоп? — предположил Белун. — А где тот колодец находился?

— Так на площади, — ответил Гельмер.

— И как стража допустила, чтобы они в таком количестве вышли оттуда? Почему не блокировали, не завалили сразу?

— Так до стражи-то, пока слухи доползли, их уж с полсотни вылезло, — ответил бородач. — А там пока добежали, пока сообразили, что к чему, — они-то всё прут и прут.

— Как с той пещерой, — перебил его Крейн, хлопнув себя по колену. — Не завали вы западную дыру — нас бы в клещи взяли.

— Если это был подкоп, как ты говоришь, — произнесла Лема, — значит, они знали, где надо рыть и какой колодец будет менее защищён. И тут тоже так было. Они знали, когда все уснули, когда можно выйти, чтобы численное преимущество набрать. Знать бы, что в других городах произошло, чтобы наверняка убедиться... Крейн, — она повернулась к нему, — нужно найти выживших из других городов, допросить, узнать, как напали там и что общего можно найти в нападениях на Летрин и на нас.

— А ещё надо бы осмотреть труп, — добавил Белун. — Надо наконец узнать, с кем мы дело имеем.

— Ну, людей-то я допросить смогу, — задумчиво протянул Крейн. — Но вот труп... Где ж я его возьму?

— О трупе мы позаботимся сами, — сказал Белун. — С тебя пара-тройка человек на допрос, и мы будем присутствовать. Найдёшь людей — пошли за нами.

День пролетел незаметно. Вся компания крутилась в заботах. Белун, Керван и Синта, возглавляемые престарелым медиком, перенесли от западной части стены в мертвецкую тело, накрытое волчьей шкурой, для обследования и изучения существа. Лема, Номи и Крейн разговаривали с прибывшими беженцами, пытаясь найти тех, кто мог что-то рассказать о нападениях на города. Найдя пятерых более-менее осведомлённых граждан, проводили их в замок, где расположили в кабинете Крейна, чтобы не пугать камерой. Джарга отказался от похода на допрос, заявив, что ему не интересно и толку от него не будет, а мероприятие в покойницкой он назвал мерзким и недостойным воина. Он изъявил желание найти Мордекая и парней из Перекрёстка, узнать, всё ли у них хорошо.

В конце дня вся шестёрка собралась в кабаке «У старины Болема», где на днях учинили драку. Они заняли ту же комнату, где сидели до того. Комната была занята, но горожане, уже наслышанные о них, с охотой освободили им место, спешно собрав пожитки. Болем, хозяин трактира, увидев их приход, сам схватился за полотенце и побежал узнать, что будут гости. Его раболепная ухмылка на толстой физиономии не располагала к еде, поэтому Лема спокойно, но настойчиво попросила его прислать свою работницу, а его больше не маячить перед ними.

— Ну чем порадуете? — спросил Белун, укладывая меч на лавку в углу и ставя рядом щит. — Что интересного было днём?

— Окромя шатания по городу да выслушивания мужицких жалоб на то да сё, более ничего интересного, — ответил Номи. Все посмотрели на него опешившими глазами. — Тьфу ты, пропасть! — сплюнул он. — Цельный... то есть целый день мужиков выслушивал, вот и нахватался от них, — засмеялся лучник.

— То-то я гляжу, вы на местных стали походить, — засмеялся Белун.

— Не смешно, — буркнула Лема. — Не представляю, как Крейн выдерживает это. Он-то целыми днями слушает все эти жалобы, нытьё и оханье да шоканье. Тут и умом тронуться недолго.

В дверной косяк постучали, и вошла работница с подносом, на котором стоял кувшин пива и шесть кружек.

— Мясо где? — спросил удивлённый Джарга.

— Мясо будет позже, господин, — скромно пролепетала девушка. — Его сейчас готовят.

— Тебе лишь бы пожрать, — буркнул Керван. — Расскажи лучше, как у Мордекая дела и у Рента с парнями?

— Рент нормально, лечиться лежать, — начал Джарга, наливая всем пива. — Остальной парни с Перекрёстка там, — он махнул рукой, — стена сторожить. Жрец моя искать, так и не видеть. Другой дядька в халат белый видеть, его спросить, но он тоже не знать.

— Хм, — начал Белун. — Значит, Мордекая нигде нет? Ты все палатки обошёл? Он может где-то в другой за ранеными ухаживает.

— Не-е, — ответил здоровяк. — Моя не глупый, моя спросить везде. Нету нигде, все сказать «не знаю».

Джарга замолчал и некоторое время сидел, катая между пальцами край шкуры, которую принёс с собой. Потом буркнул, ни к кому не обращаясь:

— Моя не нравится. Жрец хороший дядька. Не пропадать просто так.

— Да ладно, — сказал Номи, — не важно, куда он пропал, найдётся — не блоха. Давайте лучше рассказывайте, что вам покойник поведал.

Глава 5

В покойницкой стоял устойчивый холод и неприятный запах медикаментов. Из соседней комнатки тянуло ароматом старых прогнивших тряпок — в них превращалась одежда, снятая с трупов перед осмотром, вскрытием и подготовкой к похоронам. Расположенная в подземелье замка, покойницкая всегда хранила в своих стенах могильный холод. Чтобы температура оставалась стабильной, стены были исписаны причудливыми закорючками — они складывались в заклинание, не позволявшее холоду покидать комнату.

На каменных столах с вырезанными каналами лежали несколько тел, накрытых белыми простынями. В тяжёлой металлической двери скрипнул замок, нарушив тишину громким щелчком. Петли взвизгнули противным звуком, и дверь отворилась. В коридор по полу начал стелиться пар, холодя ноги даже через сапоги.

В мертвецкую вошёл невысокий мужчина в белом халате, тут и там помеченном застарелыми пятнами крови. У него были длинные волосы, свисавшие ниже плеч, а макушку украшала солидная лысина. Безразличные глаза смотрели тяжёлым взглядом сквозь круглые очки, сидевшие на слегка крючковатом носу. Тонкие губы сероватого оттенка кривились от недовольства — видимо, его разбудили или оторвали от чего-то важного.

Вслед за ним вошли Синта и Белун, таща за руки и ноги тело, накрытое волчьей шкурой. По полу волочился зелено-серый чешуйчатый хвост с костяными наростами. Замыкал процессию Керван.

Мужчина в халате указал им на свободный стол. Положив тело, Синта и Белун отошли на шаг в сторону. Керван подошёл ближе — ему хотелось видеть всё самолично и не упустить ни малейшей детали.

Медик натянул чёрные перчатки из пропитанной воском материи. Такие часто можно было увидеть на «чёрных отрядах» — так называли медиков, работавших в очагах опасных болезней.

— Ну-с, — начал медик, посмотрев через очки на присутствующих, — представимся, или вы просто посмотреть?

— Керавиир Деалер Мариан Неглад, — протянул ему руку старый чернокнижник. — Можно просто Керван. Это мои товарищи: Белун, — тот слегка поклонился, — а это Синта, — он приподнял голову в приветственном жесте.

— Угу, — кивнул медик. — Моё имя Гигонис де Калхак, коротко меня называют Гидехак. Я хирург и патологоанатом, медик и алхимик. Рад знакомству.

— Ваше имя мне знакомо, — вгляделся ему в лицо Керван. — Трактат по анатомии и хирургии — не ваше творение, случайно?

— Вы читали мои работы? — приветливо и удивлённо спросил медик.

— Приходилось читать, когда учился в школе магии. Ваш труд был крайне интересен, и в нём чувствовалось знание дела, — слегка поклонился Керван.

— Значит, вы маг, друг мой? Целитель? Ну, конечно, целитель — зачем же ещё изучать медицинскую литературу? — улыбнулся сам себе Гидехак.

— Нет, — покачал головой чародей. — Я не целитель, но знания анатомии мне тоже нужны и даже необходимы.

— Что же вы практикуете? — поинтересовался медик.

— Да некромант он, — встрял в разговор Синта. — Может, уже на труп поглядите? Не торчать же тут весь день.

— Некромант? — медик уронил от удивления скальпель. — Я думал… Разве их не истребили? Разве сие искусство не забыто?

— Не стоит так трястись, дражайший доктор, — медленно и таинственно ответил Керван. — Вы верно подметили про истребление, но истребить кого-то, даже если этого сильно хочется, не так просто, как кажется. Всегда найдётся тот, кто ускользает, а потом возрождает то, что, казалось бы, уже уничтожено. — Старик смягчился: черты его лица, только что зловещие и опасные, стали добрее. — Я один из немногих, кто выжил в этих гонениях благодаря моим спутникам и соратникам. Не беспокойтесь, любезный Гидехак, я не пользуюсь своими умениями впустую, не проклинаю, не поднимаю мёртвых из тёмной прихоти. Мои умения служат целям более благородным.

— К примеру? — спросил Гидехак, немного успокаиваясь.

— Помощь и защита моих друзей, — ответил с улыбкой Керван, глянув на стоящих в углу Белуна и Синту. — Они помогли мне выжить и приняли меня как равного, когда всё отвернулось от меня.

— Понимаю, — проговорил Гидехак; голос его перестал дрожать, страх отступил. — В таком случае могу лишь позавидовать вашему приобретению, уважаемый Керван. Но у меня есть вопрос. Если вы мастер некромантии и способны вернуть к подобию жизни существо мёртвое, то почему бы вам не поднять его, — он указал кивком головы на труп чудища, — не допросить, так сказать, напрямую, избегая… хм… потрошения?

— Если бы быть уверенным, что тварь умела говорить, можно было бы и так обойтись. Но мы ничего не знаем о них, так что сперва распотрошим, а там видно будет.

— С чего будем начинать? — спросил Гидехак, надевая на голову приспособление, состоявшее из кожаного кольца и разной толщины линз, выполненных в виде моноклей, выстроенных в ряд и опускаемых по мере надобности для разглядывания более мелких деталей.

— Есть предпочтения или будем работать по регламенту?

— Нет, — сказал Керван. — По регламенту потратим много времени. Начнём с наружного осмотра. Нас заинтересовали вот эти стяжки на границе кожи и шкуры рептилии.

Медик опустил пару моноклей к глазам и наклонился, пристально разглядывая место, указанное чародеем.

— М-м-м, да… Любопытно… — бормотал Гидехак, оттягивая и нажимая на место соединения. — Взгляните, — пригласил он Кервана и остальных, — видите? — Он провёл пальцем, указывая на еле заметные складки по границе кожи.

— Как мы поняли, это швы от нитей, — сказал Белун. — Нас это и заинтересовало. Такие процедуры — не фунт изюма, так просто не провести.

— Именно, — подхватил Керван. — Если всё так, как мы думаем, то этих… солдат… делают в какой-то лаборатории. Тогда это сузило бы круг поиска источника этой погани.

— Не-ет, — протянул Гидехак и ещё раз указал на место перехода. — Эту шкуру никто не пришивал. Ни одно живое существо не пережило бы такой пересадки: ведь прежде чем пересадить кожу, её необходимо содрать, а это за гранью человеческого болевого порога.

— Тогда что это? — спросил Синта.

— Растяжки, — торжественным тоном, как преподаватель перед студентами, не знавшими верного ответа, произнёс Гидехак, подняв вверх указательный палец.

— Растяжки? Как у беременных, что ли? — Синта недоверчиво глянул на медика.

— Ну-у, да, что-то вроде того, — ответил тот. — Обратите внимание, — начал он снова тоном ректора, выступающего перед аудиторией, — если оттянуть край кожи человеческой, то мы увидим под ней не мышцы и связки, а более светлую и мягкую чешую.

Он взял зажим и оттянул краешек кожного покрова. Под кожей растянулась паутина слизи и связующих жидкостей, склеивавших её со светлой, даже на вид мягкой чешуёй. Края кожного покрова высыхали и отмирали, но та часть, что прикрывала молодые чешуйки, была хоть и не вполне живого цвета, но всё же сохраняла признаки жизни.

— В своей многолетней практике, — начал Гидехак, — мне доводилось видеть разные ранения и травмы, были даже мутации, вызванные чарами или алхимическими и ведьминскими отварами. Я видел змеиные глаза, волчью шерсть, даже бабу с тремя сиськами и двумя… кхм… В общем, чтобы под кожей рождался роговой покров, я вижу впервые. Как это объяснить, я даже не знаю. А вы? — взглянул он вопросительно на Керван.

— Пожалуй, нет, — ответил тот. — Я тоже не видел ничего подобного. Встречались нам, правда, змеелюди, но они вылуплялись из яиц и носили чешую с рождения. Продолжим осмотр, дорогой Гидехак? Может, ответы найдём, а может, ещё больше озадачимся…

— Что ж, думаю, вы правы, — ответил медик, переходя к осмотру головы.

— Весьма… весьма необычно, — бормотал он, крутя руками голову существа вправо и влево, осматривая шею, темечко и затылочную часть. Открывая пасть существа, он осторожно проводил пальцем в перчатке по клыкам, выступавшим с верхней челюсти, растирал пальцами жидкость, снятую с них, принюхивался и смотрел на свет, даваемый магическими лампами на стенах.

— Что это, Гидехак? — спросил Керван.

— Думаю, что-то вроде яда, — задумчиво ответил Гидехак. — Но посмотрите: перчатка слегка дымит и шипит.

— Кислота? — удивился Керван. — Эти твари вырабатывают кислоту?

— Не исключено, — сказал медик, беря со стола маленькую стеклянную колбочку с пробкой. — Хочу посмотреть, верно ли я мыслю…

Он просунул в пробирку один из клыков чудища и слегка надавил на десну, из которой тот торчал. Через еле различимое отверстие зуб начал сочиться жидкостью бледно-розового цвета.

— А я был прав, — торжественно отметил Гидехак. — Их клыки устроены как у кобры. Обратите внимание на отверстие, расположенное на передней стенке зуба, — он указал тонкой палочкой, вытянутой из нагрудного кармана. — Видите? Через него существо впрыскивает яд, если укусит.

— Значит, нельзя позволять себя укусить, — задумчиво пробормотал Синта.

— Но это не всё, — продолжил Гидехак, не позволив сбить себя с мысли. — При необходимости оно может, скажем так, выстрелить струйкой кислоты! А этого уже сложнее избежать, чем укуса, — он окинул Синту скептическим взглядом.

— Тварь ядовита и… кислотна? Так получается? — спросил задумчиво Белун. — Такое вообще может существовать в живом...существе?

— В природе такого мне неизвестно, — ответил медик. — Ни один трактат или учебник не содержит информации о подобных сочетаниях. Однако я говорю именно о природных, натуральных существах, а это явный гибрид.

Он хлопнул в ладоши и маленький шар света оторвался от стены, навис над столом, направленно освещая тело.

— Посмотрите на голову. Хоть она и выглядит как голова ящера или змеи, но в области носа и глаз проглядываются черты человека. Посмотрите, как расположены глаза, — он указал на лоб. — Глаза расположены ближе, чем у рептилий и пресмыкающихся, и направление взгляда нехарактерно для таких существ. Ноздри на первый взгляд тоже змеиные, однако вот этот бугорок, — он указал на место над щёлочками ноздрей, — я бы сказал, что это атавизм носа. Верхняя и нижняя челюсти вытянулись под действием чего-то, что заставило процесс мутации проходить скоротечно, и многое из, скажем так, ненужного не успело исчезнуть полностью. Отсюда посадка глаз и остаток носа.

— Хотите сказать, — начал медленно, усваивая всё сказанное, Керван, — это был человек, которого подвергли мутации?

— Скорее, это были люди, которых, да, подвергли мутации. Но мутации быстрой, неконтролируемой и, скорее всего, неоконченной, — пояснил Гидехак, раскладывая инструменты для вскрытия на жестяном столике рядом со столом.

— Значит, мы верно думали на лабораторную армию, — вставил Белун. — Кто-то где-то взялся клепать этих уродов и направлять на города Турании. Вопрос — зачем?

— Не думаю, что удастся это узнать одними лишь домыслами и предположениями, — ответил Керван, следя, как Гидехак ловко, орудуя скальпелем, вскрывает тело от груди до промежности.

— Согласен, — вставил медик, вглядываясь внутрь существа. — Сие есть творение сумасшедшего, а понять таковых — бестолковая затея.

— В любом случае, — начал Синта, — мы поняли о происхождении этих ублюдков. Осталось найти, где эта лаборатория, и разнести там всё к чертям.

— Ну да, — усмехнулся Белун. — Только то и всего. Где её искать? Да и не думаю я, что она стоит на открытой местности и без охраны. Вшестером попрём? Как в Пусташах, когда бились с серпентами?

— Ну да, сорвался я тогда, не дождался подкрепления, уж извини, что кровь у меня такая шальная! — взбрыкнул викинг и отвернулся, скрестив руки на груди.

— Мозги у тебя шальные. Нечего дуться, как мышь на крупу, думать надо, где искать.

— Примерное направление мы, наверное, нащупаем, если, конечно, у Лемы и остальных будет толковая беседа с беженцами, — задумался Керван. — А вот дальше по следу будем идти. Такая толпа не могла не наследить.

— Не забывай: войска, которые королевство отправляло навстречу врагу, пропали без следа, — сказал Белун. — А два известных нам нападения происходили из-под земли.

Спор длился ещё какое-то время, с переменным успехом. Спорщики, увлёкшись, забыли о том, где находятся и зачем. Но об этом помнил Гидехак. Медику хватило времени спора на то, чтобы разобрать тело досконально. Нетронутым остался только «каркас», если не считать вспоротого живота и разведённой распатором грудной клетки.

— В принципе, всё, — сказал Гидехак, снимая перчатки.

Все трое обернулись, удивлённо глядя на аккуратно разложенные органы и медика, делавшего заметки в журнале.

— Так скоро? — удивился Керван. — Ну, видна рука мастера. — Он подошёл, осматривая тело и органы. — Хм, не вижу особых отличий от…

— Потому что их нет, — оборвал его медик. — Всё как у заурядного мужика средних лет. Прокуренные лёгкие и увеличенные печень и почки — пожалуй, единственное отклонение от нормы, но в остальном… Это, как и было сказано, человек, подвергнутый мутации. Мутация в основном повлияла на внешний облик и мышечные ткани, не затрагивая внутренностей. Ничего не убавлено, ничего не прибавлено.

Керван осмотрел органы и тело, убеждаясь в правоте Гидехака.

— Значит, если всё так же, как у человека, — задумался он, — значит, можно попробовать его оживить и попытаться поговорить.

— Нет, не значит, дорогой друг, — оборвал ход мыслей чародея медик. — Вы изначально были правы насчёт его способностей к диалогу. Я осмотрел его гортань и голосовые связки: говорить он не мог. Мутация изменила их, сделав гортань больше рептилией, чем человеческой. Мозг, как видите, — он указал на слизистую, с прожилками крови белую субстанцию, лежавшую на весах, — тоже подвергся изменению. Большая его часть непригодна ни для чего. Проще говоря, атрофирована. Работают лишь те части, что отвечают за ориентацию в пространстве, агрессию, движения. Не более того, — закончил Гидехак.

Когда они вышли из покойницкой на воздух, им показалось, что на улице потеплело, но резкий ветер вскоре изменил их точку зрения относительно погоды. Направляясь к портовой

части города, они шли неспешно. Торопиться особо некуда было: солнце, сиявшее на чистом морозном небе, лишь наполовину скрылось за горизонтом.

— Что в итоге нам стало известно? — заговорил вдруг Белун.

— В основном раскрыли происхождение, — ответил Керван, вычищая на ходу трубку и продувая её — По крайней мере, мы знаем, с чем имеем дело и чего стоит опасаться.

— Ага, теперь близко их подпускать не будем, — буркнул Синта.

— Сообщим Крейну? — спросил Белун.

— Почему нет, — ответил Синта. — Может, как-то солдат защитит, меньше жертв будет.

— Надо придумать защиту от их плевка кислотного, — сказал Белун. — Это может создать проблемы при следующей стычке.

— Не думаю, — ответил Керван. — До того не было сообщений, что кто-то пострадал от кислоты, значит, и не было инцидентов. Думаю, это связано с тем, что эти твари — что-то вроде экспериментальной модели и сами не знают о своих возможностях. Вот когда мы столкнёмся с более совершенными мутациями… — Он не закончил, уйдя в собственные мысли и анализ полученной информации. Больше они не разговаривали.

Шли молча. Солнце уходило, прячась за крышами. Ветер вырывался из тени между домишками, пробивая доспехи и вонзаясь ледяными когтями, пробирая до костей. Холод не тревожил только Синту. Закалённый викинг даже глаз не щурил от колких искорок снега. Чем ближе они подходили к портовому району, тем противнее становился ветер. Набирая силу на просторах водной глади, он тараном врывался в город сырой волной, неся с собой острые, будто крошки бутылочного стекла, снежинки. Паруса стоящих в порту судов хлопали и танцевали с этим холодным кавалером, который трепал их как ему вздумается.

В дверной косяк тихонько постучали, полог отодвинулся, и в комнату вошла девушка с подносом, на котором стояло блюдо с парящим и несущим дивный, соблазнительный аромат мяса. Джарга оживился при виде долгожданной пищи, скоренько встал и торопливо принял у девушки блюдо.

— Как засуетился-то, — усмехнулся Номи. — Как будто неделю не жрамши.

— Твоя сытый? — с вызовом глянул на него здоровяк. — Тогда твоя не есть, моя голодный, моя есть.

— Ага, щас, — встал лучник и стал накладывать себе в миску сочащиеся жирком куски. — Тебе волю дай, ты и миску надкусишь.

— Как дети, — улыбнулась Лема. — Подеритесь ещё.

— Собственно, это всё, — подвёл черту Белун. — В покойницкой нам удалось узнать только это. Где искать их и кто стоит за их созданием, мы не знаем.

— У нас тоже жидковато, — сказал Номи, разламывая кусок мяса. — Крестьяне мало что могли сказать. Но! Кое-что общее мы всё-таки нащупали. — Он замолчал, бросив взгляд на Лему.

— Что именно? — спросил Керван.

— Крейн просил без него не рассказывать, — ответил Номи. — Вроде сам хочет сложить все кусочки головоломки и предоставить нам свой план.

— План? — заинтересовался Белун. — Он что, решил войском идти в контратаку?

— А хрен его знает, — махнул рукой Номи. — Его трудно было понять.

— Но одно нас насторожило, — Лема отпила из кружки и продолжила: — Все говорят, что перед нападением приходили беженцы. Вроде бы ничего такого, но все видели одного и того же человека среди толпы.

— И? — вклинился Синта. — Что тут странного? Толпа шла волной — разумеется, там были одни и те же люди.

— Так-то оно так. Но один крестьянин рассказал о человеке, который шёл с ними в обозе от самого Гемера и в каждом городе представлялся то жрецом, то медиком, то паломником.

— Хочешь сказать… — начал Белун.

— Это только догадки, — Лема откинулась на спинку стула. — Но догадки нехорошие. Хотя пока ничего нельзя утверждать наверняка.

— Давайте-ка всё по порядку, — Белун отпил из кружки и звучно стукнул ею по крышке стола. — А то домыслы, догадки… так можно далеко зайти. Что было на допросе?

Глава 6

Комната была ярко освещена горящими лампами. Уют здесь был суровым, с налётом офицерской чопорности. Стены украшали композиции из оружия и щитов, книжные шкафы ломились от папок с документами. Пол покрывал ковёр — на вид недешёвый, но его солидный возраст и редкая чистка были слишком заметны.

Но по-настоящему впечатлял рабочий стол капитана Крейна — истинное произведение столярного искусства. Резные уголки изображали старательно вырезанных рыцарей со щитом и мечом, панели были расписаны сценами на мотив правосудия. А крышка стола украшалась мозаикой: воин в латном нагруднике, сияющем на солнце, будто шагнул вперёд. Его алый плащ, развеваясь, укрывал сбившихся в кучку крестьянских детей от стрел вражеской орды. Сам воин копьём пронзал врага в рогатом шлеме и с огромным топором; за его спиной стояли корабли с драконьими головами на носовой части и полосатыми парусами.

«Хорошо, что Синта сейчас не тут», — подумала Лема, скользнув взглядом по мозаике.

Они расположились на мягком диванчике в углу рядом с дверью. Номи развалился в положении полулёжа — явно давая себе отдых после жёстких скамеек трактира. Лема сидела скромнее, заняв противоположный край дивана. Опершись о подлокотник, она листала книгу, взятую с полки. На обложке золотыми узорами было выведено: «История войн. Западные народы». Узорчатые буквы казались почти ритуальными. В книге описывались конфликты западной части континента. Особое место уделялось нашествию короля гномов на восточные земли сразу после подчинения всех западных королевств. Были там и заметки о делах заморских эльфийских князей, вечно игравших свою политику на нескольких досках сразу.

Дверь открылась, и в комнату вошёл Крейн — усталый и раздражённый. За ним, остановившись в дверях, замер стражник.

— Сядь по-людски, — раздражённо бросил Крейн, глядя на развалившегося Номи. — Не в борделе. Где Лемонт? — он обернулся к стражнику.

Тот пожал плечами.

— Найди и сюда.

Стражник исчез в коридоре, оставляя за собой бряцание доспехов и стук каблуков. Крейн заложил руки за спину и подошёл к окну, вглядываясь в зимний город. Снег не переставал идти весь день, и крыши домишек сливались в одно чистое белое поле, помеченное лишь торчащими трубами, из которых тянулся дым. Ветер подхватывал его, кружил, рисуя в воздухе причудливые узоры, а потом рвал на куски — словно художник, разочаровавшийся в собственном полотне.

В коридоре раздались мерные шаги солдатских сапог и чьи-то быстрые шаркающие шажки. В дверях появился солдат и, отдав честь, вытянулся по струнке.

— Господин капитан! — начал он громко и чётко. — По вашему распоряжению писарь Лемонт прибыл для выполнения ваших приказов!

— Вольно, — раздражённо бросил Крейн, не отворачиваясь от окна. — Можешь быть свободен.

Солдат ещё раз отдал честь, развернулся и зашагал по коридору. Ему на смену в дверях появился уже знакомый всем писарь Лемонт. Паренёк нёс в охапке свитки пергаментов, то и дело что-то роняя и неловко поднимая упавшее. Номи следил за ним с насмешливой ухмылкой, пока бедный парнишка пробирался к своей конторке под суровым взглядом Крейна. Лема, не отрываясь от книги, одарила Лемонта сочувствующим взглядом и лёгкой улыбкой. Писарь наконец добрался до стола и высыпал всё, что еле дотащил. Сняв с шеи стеклянную баночку с чернилами, закупоренную пробкой, он уселся на стул.

— Я готов, господин капитан. Простите за задержку, — проговорил он, запыхавшись.

— Надо готовиться заранее, Лемонт! Мы ожидаем только тебя одного, — голос Крейна звенел от раздражения. Он явно решил отыграться на несчастном пареньке. — Где ты был? Почему не явился вовремя? Ведь я отдал чёткий приказ: явиться в мой кабинет и быть готовым вести протокол допросов!

— Простите, господин, — пролепетал Лемонт с пунцовым лицом, будто вот-вот заплачет. — Я задержался в архиве, переписывая протокол прошлого допроса хозяина таверны и его работницы. Потерял счёт времени и…

— Кто отдал такой приказ? — гавкнул на него Крейн.

— Никто, госп… — прошептал пришибленный писарь.

— Вот именно! — рявкнул капитан, обрывая его, а затем голос его чуть смягчился. — Не забывай, Лемонт: инициатива может быть наказуемой, особенно в нашем положении. — Он сел за свой стол. — Ладно, будем начинать. Время идёт, а мы всё ля-ля. Ввести первого свидетеля! — крикнул Крейн в открытую дверь.

Стражник завёл в кабинет худого мужичка, насмерть перепуганного. Неуверенно перешагнув порог, тот замер, теребя снятую с головы грязную войлочную шапку.

— Не трясись, — твёрдо, но спокойно сказал Крейн. — Тебя не на казнь привели и не на пытки. Садись. — Он указал на стоявший перед столом стул со спинкой и мягкой обивкой, носивший следы многих посетителей.

— Н-нет, господин, — перепуганно закрутил головой мужик, выпучив глаза. — Не смею, замораю стул-то… Я вот тута, если дозволите, устроюсь. — Он махнул колпаком в сторону каменного пола, куда не доставал ковёр.

— Сядь на стул, — мягко, но властно произнёс Крейн. Глаза его на мгновение сверкнули, и мужик поспешно прыгнул на указанное место.

— Тебя привели сюда, чтобы выяснить детали нападения на город, откуда ты пришёл, — капитан сидел, опершись локтями на стол и сплетя пальцы в замок. — Так что бояться нечего. Отвечай на вопросы, не утаивай правду. Чем больше деталей, тем полнее картина. Ты меня понял?

Мужик закивал.

— Хорошо. Откуда ты родом?

— Из деревни Борки, господин. Она под Гемером находится, — ответил тот.

— Ты не из города?

— Нет-нет, из деревни я. Борки, говорю же.

Крейн чуть наклонил голову, давая понять, что слушает. Мужик ёрзал на стуле, вытирая лицо и голову от выступившего холодного пота.

— Ты видел нападение на город?

Мужик слегка побледнел, в глазах отразился страх.

— Видел, господин… — выдавил он сквозь пересохшее горло.

Крейн вздохнул и бросил короткий взгляд на Лему и Номи. Девушка закрыла книгу и убрав волосы за ухо, положила её себе на колени.

— Тебе страшно вспоминать, верно? Это уже прошло, — спокойно сказала она, вставая. Подойдя к столу капитана, где на деревянной подставке стоял графин и шесть стопок, она наполнила одну из них.

— Всё в прошлом. Выпей, успокойся и вспомни это ещё раз. Нам важно знать все детали. Чем больше мы узнаем, тем быстрее остановим это. Ты же не хочешь, чтобы такие трагедии прокатились по всей стране?

Мужик взял стопку дрожащей рукой и покрутил головой, не отрывая взгляда от глаз Лемы, словно ища в них хоть каплю надежды. Потом, собравшись с духом, резко выдохнул в сторону и одним залпом выпил содержимое. Жидкость приятно обожгла горло и горячей волной ушла в желудок, оставив во рту привкус ореха и трав. Мужик машинально занюхал

рукавом, почувствовав, как тепло начинает растекаться по телу. Румянец сменил мертвенную бледность на лице.

— Ну… хорошо, госпожа. Расскажу, что помню, — решился он.

Гемер, как все знали, был городом, через который проходили купцы, направлявшиеся в Тверен. Там им оказывали и стол, и постой, попутно скупая у местных крестьян и ремесленников товары для дальнейшей продажи в Тверене и дальше, к столице. Охраны королевской в городе было немного; в основном порядок поддерживали сами горожане, собираясь в добровольные дружины. Скандалы случались, но почти всегда они были связаны с купеческим охранением: мужики попросту давали наглецам по шее и выкидывали из города.

— В тот день я хряков на продажу привёл, да поросят, да из птицы кой-чего, — рассказывал мужик, опустив взгляд в пол. — Как водится, встал в середке: купец не дурак, у первых торгующих токмо глазом гладит, а покупать начинает с середины. Так я уж каждый год так торгую, и мошна завсегда звоном полнится: есть на что выпить да домой прикупить чего надо. Дело уж к полудню шло, когда в город зашёл богатый караван. Богатый, милостивцы, да страшный… Все, кто в охранении шли, — гномы. А жива ж память ещё, когда они весь запад себе подчинили, и мы на очереди стояли…

Он обронил стопку, поспешно поднял и поставил на стол с поклоном.

— Ну, купец и купец, нам-то что с одной стороны до него. Приветили, как водится. С ним вместе ещё человек шёл. Странно мне это показалось: купец-то тоже из гномов был, а с человеком как с роднёй общался. Да и человек, сказать смешно, весь в старье, не больно-то на богатого походил. Бледный, под глазами синяки, будто три ночи не спал…

Мужик снова замолчал, теребя в руках шапку.

— Нам, конечно, безмерно интересно, как ты проводил свободное от свиней и кур время, — неожиданно заговорил Номи своим насмешливым тоном, лениво потягиваясь на диване и играясь с ножиком на косичке. — но, может, уже ближе к делу? За тобой ещё люди есть, их тоже слушать.

Мужик глянул на него с лёгким испугом и заёрзал на стуле. Лема опередила на мгновение Крейна, который уже собирался отчитать лучника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.